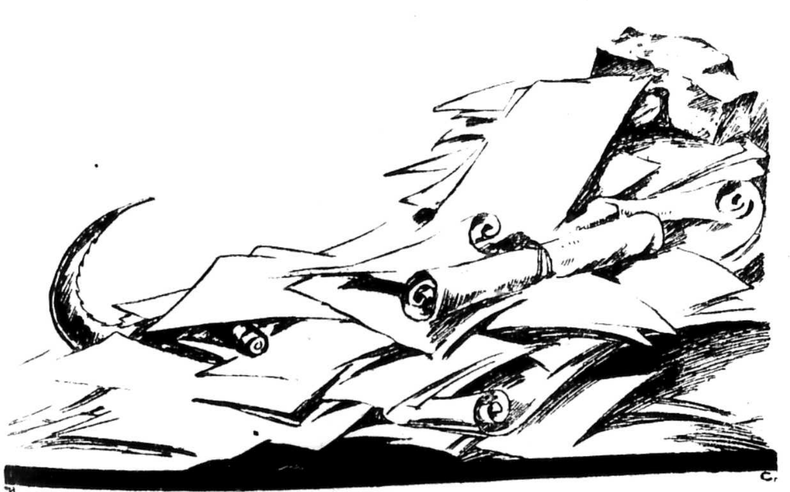

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПЕТРОГРАДСКОГО БЮРО КОМИССИИ по ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

ПЕЧАТАЕТСЯ № 5

„КРАСНОЙ ЛЕТОПИСИ“

СЛЕДУЮЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ:

I. Статьи и воспоминания.

Ш. Раппопорт. Воспоминания о деле 1 марта 1887 г.
В. Перазич. Из воспоминаний.
В. Румянцев. К десятилетию „Правды“. (Воспоминания).
С. Горелик. Эпизоды из истории украинской революции. (Директория (1918-1919 г.г.).
В. Невский. Советы рабочих депутатов 1905 г.
Н. А. Бухбиндер. Из прошлого еврейского рабочего движения. (По неизданным архивным материалам).
Мих. Лемке. Наш заграничный сыск.
Н. Ольшанский. Кронштадтское восстание.
В. Святловский. Друзья и враги рабочего движения.
А. Тюменев. Между двумя революциями.
С. Пестковский. Польша в 1905 г. (Воспоминания).
Егоров. Революционное движение во флоте.

II. Истор. сообщения, материалы и документы.

О. И. Власова. Хроника рабочего движения 80-90 г.г.
Н. Бухбиндер. Прокламации о 9 январе 1905 г. (Окончание).
Г. Шидловский. В начале войны.
С. Б. Заметки о парт. работе в Петрограде в 1913-1917 г.г.
Белов. Гоц, Авксентьев, Полковников и К° в Николаевском Инженерном училище.

III. Библиография.

Петроградское бюро комиссии по истории Октябрьской Революции и Российской Коммунистической Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4

[illegible]

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Р. В. Ц. № 1194. Петербург.

Гиз. № 1040. Отпечатано 6.000 экз.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26. Зак. № 267.

СОДЕРЖАНИЕ.

№ 4.

Статьи и воспоминания.

Исторические сообщения, документы и материалы.

НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ.

(Воспоминания В. М. Карелиной.)

В 1890 году двадцатилетней девушкой я, питомица Воспитательного дома, поступила ткачихой на Новую Бумагопрядильню. Еще до поступления на фабрику я познакомилась с рабочим мастерских Варшавской жел. дороги Карлом Грейнертом. Он носил мне книги для чтения, больше всё беллетристику, напр., стихотворения Некрасова, и тем самым дал толчок моему развитию. В техническом училище, где учился Грейнерт (в Дерптском пер.), занимались и его товарищи, в числе которых был и Николай Дементьевич Богданов. Скоро Карл Грейнерт познакомил меня и с ним.

Знакомство это принесло мне большую пользу, так как Богданов давал мне еще больше книг, и, таким образом, я прочла, под руководством Николая Дементьича, почти всех русских классиков; особенным успехом пользовались такие книги, как сочинения Г. Успенского, Решетникова, Писарева, «Что делать?» Чернышевского. Пытался Богданов читать со мной даже Спенсера, но из этого ничего не вышло, так как у меня не было тогда подготовки для понимания этого писателя.

Когда я стала немного разбираться в прочитанном, познакомили меня с ткачом Федором Афанасьевым (ему тогда было года 32), замечательной личностью, который и организовал кружок ткачей.

В этот кружок входили: Федор Афанасьев, его брат Егор Афанасьев, их зять Яков, Анна Егоровна Гаврилова, ткачиха с фабрики Паля, я и рабочий, известный у нас под кличкой Григорий Нечесаный.

Это был интересный малый, всегда оборванный и взлохмаченный, за что он и получил свое прозвище. Он был уже пожилым человеком, ему шел сороковой год, он был учеником Халтурина, работал в Халтуринской организации, о чем и рассказывал нам. Помнил Нечесаный и других революционеров 70—80-ых годов. Так, Халтурин познакомил его с Михайловым, которого даже арестовали в рубахе Григория Нечесаного, потому что накануне ареста Нечесаный отдал Михайлову свою рубаху.

Занятия с нами вел в этом кружке молодой студент Леонид Борисович Красин. Прислал этого студента к нам Цивинский. Занятия в кружке велись по экономическим вопросам. Какие книги читались в кружке, точно не помню; помню только, читались и сочинения Маркса о заработной плате и, насколько помнится, «Коммунистический Манифест».

Занимались мы очень усердно в течение зимы 1890—1891 годов.

При посредстве нашего кружка началась очень энергичная работа среди женщин, и было положено начало женской организации. Вообще, работа того центра, откуда исходило все движение, раскинулась довольно широко.

Кроме нашего кружка, были еще следующие кружки: 1) кружок слесарей; в нем организаторами были Гаврила Мефодиев, Николай Дементьевич Богданов и Хлопов; 2) кружок Алексея Егоровича Карелина, литографов; в этом кружке находились Яков Иванов, Белов и другие литографы и печатники; 3) кружок за Нарвской заставой на Путиловском заводе, и 4) кружок на Васильевском острове, на Балтийском заводе.

Эти пять кружков времени зимы 1890—1891 годов связывались центральной организацией, которая состояла из представителей, выбранных отдельными кружками; в центральный кружок входили: от Красинского кружка я и Гаврилова, от литографов Карелин, от литейщиков Богданов, а также Федор Афанасьев и Мефодиев, и Егор Афанасьев (от Экспедиции). Организатором этого кружка был Цивинский. Этот центральный кружок собирался на коммунальной квартире, которую держал Мефодиев на Забалканском проспекте. Там жили коммуной Мефодиев с женой, Алексей Карелин, портниха Раиса, Татьяна, жена Хлопова, рабочего Путиловского завода, высланного под надзор полиции из столицы, с двумя детьми.

Вскоре нам, мне и Гавриловой, удалось организовать еще один кружок, женский, из ткачих и служащих Воспитательного дома. В этот кружок входили Маша (вышла замуж за раб. Маклакова), Феня (впоследствии жена Норинского), Наташа (впоследствии жена Кейзера), Паша (вышла замуж за Желабина), Елена Николаева, еще несколько ткачих и работниц других предприятий (напр., Татьяна Разуева, фальцовщица из типогр. Вольфа). Занималась пропагандой в этом кружке жена Михаила Степановича Александрова, Софья Александровна Александрова.

Привел Александрову в этот кружок Богданов. Для кружка имелась специальная квартира на Глазовой улице.

В конце 1890 года организовался еще один кружок в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Здесь занимался Бруснев, с которым я познакомилась в конце 1890 года и который по моему мнению играл, если не главную, то, во всяком случае, крупную роль во всем движении. Он входил в центральную с.-д. организацию, которая была связана и с нашим рабочим центральным кружком.

В этот интеллигентский центр входили, кроме Бруснева, по моему мнению, Цивинские, Коробко, Красины и Святловский. Занятия же вели в рабочих кружках: Бруснев, Цивинские, братья Красины, Любовь Васильевна Миловидова (впоследствии Красина), курс. Томсоньян, Коробко, «Петр Петрович» (Михаил Степанович Александров), его жена Софья Александровна.

Кружок, где занимался Бруснев, был организован кузнецом Егором Афанасьевым и собирался на своей специальной квартире на Рижском проспекте. С Брусневым приходилось встречаться часто, так как наш цен-

тральный рабочий кружок собирался каждое воскресенье; туда ходил и Бруснев. Обыкновенно там делались доклады о положении организации и отдельных кружков, фильтровали их состав, обсуждали кандидатуры новых членов. Самыми выдающимися членами центрального рабочего кружка, по моему мнению, были Богданов, Карелин, Мефодиев, Федор Афанасьев (ткач) и Егор Афанасьев (кузнец).

Замечательный это был человек. Он был крестьянином Петербургской губ., Ямбургского уезда, Редкинской волости, дер. Волны. Хотя по начитанности он и уступал другим рабочим, руководителям всего дела, как Богданов или Мефодиев, но зато отличался необыкновенной добротой, особой убежденностью, преданностью делу, уменьем подходить к человеку и поразительной красотой душевной. Этим он и брал и привлекал к себе, особенно женщин и ткачей. То, чего ему недоставало в смысле знаний, он с лихвой пополнял своей задушевностью и, если уступал в теории металлистам, которые вообще шли впереди всех рабочих, зато, как практик и организатор, был выдающимся человеком.

Таким образом, у нас в течение 1890—1891 г.г. было уже шесть кружков и насчитывалось организованных рабочих человек до ста. В 1891 году же произошло событие, которое на время расстроило наши ряды: похороны писателя Шелгунова. Мы все очень ценили его сочинения и, в особенности, со вниманием читали его экономические и исторические статьи.

Еще месяца за два до смерти Шелгунова мы, по мысли Цивинского, на одном из собраний решили поднести адрес от рабочих умирающему писателю. Содержание адреса известно. На адресе подписалось много рабочих. Носили адрес Богданов, Карелин, Мефодиев, Афанасьевы и кто-то из интеллигентов. Адрес очень тронул Шелгунова. Он плакал и сказал, что если он встанет, то всю жизнь посвятит рабочим.

Как сейчас помню, пришел Егор Афанасьев и сообщил о смерти Шелгунова и о том, что нужно возложить на его гроб венок от рабочих, пойти на панихиду и похороны. Панихида была назначена в воскресенье в 6 час. вечера. Наши товарищи собрали деньги (с металлистов, кажется, по рублю, а с женщин и ткачей поменьше, и жалованье, ведь, наше было грошовое—12—14 рублей в месяц), Ф. Афанасьев, Мефодиев, Богданов и Карелин пошли в типографию к Вифту на Садовой ул. (Вифт сочувствовал нам) и заказали там ленту, на которой и отпечатали: «Дорогому учителю и руководителю от рабочих»—«Указателю пути к свободе и братству от Пет. раб.». На венке, на ленте подписались, были и наши женские подписи, моя и Гавриловой. В 6 ч. отправились на квартиру Шелгуновых.

Представители рабочих возложили венок. Панихиду пели студенты. Венок и делегация рабочих очень тронули жену Шелгунова, и она со слезами благодарила нас.

Но на похороны, к сожалению, женщины не могли пойти, так как день был будний, и уйти с ткацких фабрик было очень трудно, так как за отлучку штрафовали, а то и прямо не пускали.

Владимир Прошин.

тральный рабочий кружок собирался каждое воскресенье; туда ходил и Бруснев. Обыкновенно там делались доклады о положении организации и отдельных кружков, фильтровали их состав, обсуждали кандидатуры новых членов. Самыми выдающимися членами центрального рабочего кружка, по моему мнению, были Богданов, Карелин, Мефодиев, Федор Афанасьев (ткач) и Егор Афанасьев (кузнец).

Замечательный это был человек. Он был крестьянином Петербургской губ., Ямбургского уезда, Редкинской волости, дер. Волны. Хотя по начитанности он и уступал другим рабочим, руководителям всего дела, как Богданов или Мефодиев, но зато отличался необыкновенной добротой, особой убежденностью, преданностью делу, уменьем подходить к человеку и поразительной красотой душевной. Этим он и брал и привлекал к себе, особенно женщин и ткачей. То, чего ему недоставало в смысле знаний, он с лихвой пополнял своей задушевностью и, если уступал в теории металлистам, которые вообще шли впереди всех рабочих, зато, как практик и организатор, был выдающимся человеком.

Таким образом, у нас в течение 1890—1891 г.г. было уже шесть кружков и насчитывалось организованных рабочих человек до ста. В 1891 году же произошло событие, которое на время расстроило наши ряды: похороны писателя Шелгунова. Мы все очень ценили его сочинения и, в особенности, со вниманием читали его экономические и исторические статьи.

Еще месяца за два до смерти Шелгунова мы, по мысли Цивинского, на одном из собраний решили поднести адрес от рабочих умирающему писателю. Содержание адреса известно. На адресе подписалось много рабочих. Носили адрес Богданов, Карелин, Мефодиев, Афанасьевы и кто-то из интеллигентов. Адрес очень тронул Шелгунова. Он плакал и сказал, что если он встанет, то всю жизнь посвятит рабочим.

Как сейчас помню, пришел Егор Афанасьев и сообщил о смерти Шелгунова и о том, что нужно возложить на его гроб венок от рабочих, пойти на панихиду и похороны. Панихида была назначена в воскресенье в 6 час. вечера. Наши товарищи собрали деньги (с металлистов, кажется, по рублю, а с женщин и ткачей поменьше, и жалованье, ведь, наше было грошовое—12—14 рублей в месяц), Ф. Афанасьев, Мефодиев, Богданов и Карелин пошли в типографию к Вифту на Садовой ул. (Вифт сочувствовал нам) и заказали там ленту, на которой и отпечатали: «Дорогому учителю и руководителю от рабочих»—«Указателю пути к свободе и братству от Петраб.». На венке, на ленте подписались, были и наши женские подписи, моя и Гавриловой. В 6 ч. отправились на квартиру Шелгуновых.

Представители рабочих возложили венок. Панихиду пели студенты. Венок и делегация рабочих очень тронули жену Шелгунова, и она со слезами благодарила нас.

Но на похороны, к сожалению, женщины не могли пойти, так как день был будний, и уйти с ткацких фабрик было очень трудно, так как за отлучку штрафовали, а то и прямо не пускали.

Владимир Прошин.

Демонстрация рабочих на похоронах всполошила полицию, и вскоре начались аресты. Арестовали братьев Красиных, Коробко, из рабочих Мефодиева и Хлопова.

Бруснев уехал в Москву. Перед отъездом он на квартире Егора Афанасьева в Коломне, на большом собрании, где было человек 15 и в том числе Богданов и Карелин, очень тепло прощался с нами.

Квартиру на Забалканском проследили, и пришлось переносить центр в другое место. Таким местом и стала наша квартира на Глазовой улице. Это была очень интересная и конспиративная квартира. Помещалась она в злачном месте, где находилось и два дома терпимости. В большом здании, где расположились эти учреждения, имелась небольшая квартирка, которую мы и сняли. Неприятное соседство скрашивалось тем, что полиция и на нас смотрела такими же глазами, как на обитателей веселых домов, и потому к нам безопасно могли ходить и наши товарищи. Занятия у нас всегда обставлялись так, что в одной комнате пели, играли на гармонике, танцовали, а в другой велись серьезные разговоры, пропаганда. В этой первой комнате обыкновенно мы приглядывались к новым, только что приглашенным товарищам; если не подходил, мы его больше не звали, а если был свой, скоро переходил и в другую, заднюю комнату. В кружки новых людей допускали со строгим выбором, по рекомендации двух членов, с ответственностью рекомендующих. Хорошее было время, чистота какая-то в наших отношениях. Бывало, придет много товарищей, засидятся до-поздна, домой итти далеко, постелем что-нибудь на полу, ляжем все вповалку и заснем, как убитые. И вышли потом в жизнь из нечистого дома в большинстве чистые и преданные рабочему делу борцы. И дворник был у нас свой, сочувствующий. Всегда предупреждал, если, по его мнению, полиция начинала посматривать на нас косо.

До какой степени были мы чистые и отзывчивые тогда. Помню, как мы судили Михаила Князева, который соблазнил девушку и не хотел жениться на ней, отговариваясь, что нечем жить вдвоем. Мы собрали ему деньги и сыграли свадьбу.

В конце 1891 года познакомились мы с литейщиком Михаилом Князевым, с Выборгской стороны, с завода Растеряева. На этом заводе образовался новый кружок, в котором, кроме Михаила Князева (бывшего народовольца, лет около 30), большую роль играли литейщики Егор Туманов и еще один, фамилии его не помню, по называли его за красивую наружность Коля Ляля.

В это время как раз проследили нашу Глазовскую квартиру; об этом нас предупредил дворник, и мы, по предложению Князева, переехали на Выборгскую сторону, на Полюстровскую улицу. Когда мы жили уже на Выборгской стороне, к нам в кружок приезжали рабочие писчебумажной фабрики Печаткина из Кр. Села. Из этого кружка помню только одного рабочего Федора. Входили в этот кружок рабочие с завода Растеряева. Здесь, на Полюстровой мы также организовали коммунальную квартиру: я, Гаврилова, Егор Туманов, Князев (б. народоволец) и еще рабочий из Москвы

Иван (Калужской губ.). Этот рабочий привез с собой много нелегальной литературы: книжки были больше народовольческого характера, например, письмо Цебриковой к Александру III, «Календарь Народной Воли».

Это происходило в начале 1892 года, когда мы еще не определились ясно, как соц.-демократы. В это же время, начиная с середины года, у нас складываются уже более определенные убеждения, замечается тяга к соц.-демократии. Тогда же мы познакомились через Иванова Якова с Кейзером, Фишером и Яковлевым, а также с Владимиром Владимировичем Святловским. Это последнее знакомство произошло при встрече Нового 1892 года, стало быть, 31 декабря 1891 г., на квартире у кузнеца Егора Афанасьева.

Святловский очень нуждался, жил вместе с рабочими на коммунальной квартире на Рижском проспекте, отличался большой простотой и очень нравился рабочим. Пропагандистскую работу Святловский вел в кружке Экспедиции заготовления госуд. бумаг. После празднования первого мая 1891 года (я на этой маёвке не была) Святловский ездил по какому-то поручению товарищей в Польшу, по с какой целью, не знаю; кажется, он возил для напечатания речи рабочих, произнесенные на этом собрании, для напечатания силами польской соц.-демократической организации.

В 1892 году работа пошла усиленно. Организовался особый кружок— организаторский, специально для подготовки ответственных организаторов, которые бы самостоятельно могли развивать дело, заводить связи, заниматься пропагандой и агитацией, так как многочисленные и частые аресты вырывали из наших рядов особенно много интеллигентов. Организовал этот кружок и руководил им Цивинский. Организовали мы зимой 1892 г. еще несколько и первоначально новых кружков: на заводе Растеряева, на фабрике Чешера, помню там рабочего по имени Яков. В феврале 1892 г. арестовали Богданова, члена центрального кружка, и Филимонова с карточной фабрики за Невской заставой, где также был свой кружок. Аресты эти, впрочем, не повлияли па дело очень сильно, так как уже было много организованных и сознательных рабочих, втянутых в подполье. Да и дело мы вели осторожно и, завязывая новые знакомства, расширяли и укрепляли организацию. Дело велось так, что сначала давали большую культурную подготовку. Не говоря уже о том, что в Центральном кружке имелась прекрасная легальная и нелегальная библиотека, имелись хорошие легальные библиотеки и в каждом кружке. Книги любили и покупали все. Покупали и мы, но жалованье у нас было небольшое, и на него много купить было нельзя. Зато очень много покупали книг металлисты и вообще те рабочие, что много зарабатывали— Мефодиев, Богданов, Карелин. Особенно много покупал последний. Переплетали сами, у Карелина имелся переплетный станок, и в свободное время он занимался этим делом. Кроме нелегальных книг и беллетристики, большой популярностью пользовались книги естественно-исторического содержания, особенно книжки Рубакина и астрономия Фламмариона.

До 1892 года мы, как я сказала, не определились и не могли считать себя соц.-демократами, но уже после первого мая этого года для нас ясно стало, что соц.-демократы к нам ближе.

Иван Михайлович Бубнов.

(Егор Афанасьевич Афанасьев).

В праздновании первого мая 1892 года принимала участие и я. Организацию празднования подготовил центральный наш кружок. Был заранее разработан план, дорогу к месту собрания на Петровском острове нарисовали на бумажках и дали каждому участнику, сходиться предложили поодиночке,—кто ехал на лодке, кто шел пешком, кто на конке, так что сошлись незаметно к условленному месту и в условленный час, именно, в час дня. Собрались аккуратно, расположились с едой и чаем на берегу, как будто на прогулке. Было человек 200, в числе рабочих Цивинский и Святловский, одетые в крестьянское платье. Распространялись прокламации, книжки, карикатуры на Александра III. Уже намеревались приступить к произнесению речей, как явился сторож владений князя Белосельского (ему принадлежала эта земля) и стал нас прогонять с занятого нами места. Мы уходить не хотели, но в это время пришел патрульный Маклаков (мы их расставили тоже по плану) и сообщил, что едут жандармы. Пришлось уходить, а так как многие из нас приехали в одиночку на лодках, то мы сейчас разместились в них и стали удаляться по направлению к взморью с гармониками и песнями. Показались конные жандармы, но мы были уже на середине реки. Жандармы, бессильные что-либо сделать, смотрели на нас, а Святловский снял шляпу и сказал: «До свидания!»

Так неудачно окончилась эта маёвка, хотя никто из нас и не пострадал.

Через несколько времени произошло второе большое собрание, на котором было тоже человек 200. Собрание было за Волковым кладбищем. Сошлись кружки всех районов—Нарвского, Выборгского, Невского, Петроградского, Василеостровского (Медведев, токарь).

Первым на этом собрании говорил Егор Афанасьев, кузнец, о тяжелой жизни рабочих, гнёте и эксплоатации капитала, о необходимости борьбы за улучшение рабочей жизни. После Афанасьева другие ораторы указывали на успешную борьбу, какую вели рабочие на Западе, и делали вывод, что это происходит потому, что там рабочие организованы, а организованы они в силу уже завоеванной свободы, и, стало быть, и нам надобно завоевать свободу, а для этого надобно организоваться в рабочую партию.

Читали здесь и Бруспевскую программу, отпечатанную на гектографе.

Вскоре после этого собрания нас арестовали. Шпионы кого-то проследили, началась усиленная слежка, и в июне 1892 г. было арестовано 162 человека. Святловский и Цивинский не присутствовали на Волковской сходке, уцелели и благополучно уехали из Петербурга.

У меня арестовали всю библиотеку, собранную с таким трудом; посадили меня в Предварилку. Просидела я три месяца, после чего была выпущена под особый надзор полиции до окончания дела. Других кого тоже оставили в Питере, а кого выслали подальше, под гласный надзор.

Нужно сказать, что здесь мы уже определенно стали соц.-демократами. Уже после первого мая 1892 года в наших кружках читалась программа «Группы освобождения» и какое-то послание от польских соц.-демократов.

Из арестованных и выпущенных вскоре в Петербурге остались, между прочим, Фишер и весь наш Выборгский кружок. И вот теперь-то и началась уже явная борьба на наших рабочих кружках между народовольцами и соц.-демократами. Спорили обыкновенно интеллигенты, но принимали иногда участие в этих спорах и мы. От народовольцев выступали Петр Петрович и другие, а от с.-д. Цивинский и наши рабочие.

Выйдя из тюрьмы, я поступила на Мариинские акушерские курсы. Поступить помогли мне Стасова и Серебренникова, посоветовавшие обратиться к Дрентельн, которая и поместила меня на курсы. Окончить курсы, впрочем, тогда не удалось, так как в марте 1893 года снова арестовали и посадили в Предвариловку. На этот раз продержали $1^1/_2$ месяца и выслали за сходку на первое мая 1892 года. Уехала в г. Сумы, Харьковской губ.

Вспоминая теперь, почти через 30 лет, эту нашу чисто рабочую революционную соц.-демокр. организацию, я думаю, что рост и успех происходили потому, что организовали ее мы, рабочие и работницы, правда, при помощи интеллигенции. С интеллигенцией у нас была самая тесная связь. К ее словам мы прислушивались и уважали ее. Самые формы нашей жизни выливались так просто и естественно из наших потребностей. Сходились мы с людьми близкими, с кем сжились и кого знали хорошо. На Выборгской стороне жили мы действительно настоящей коммуной. Жило нас четыре девушки: я, Наташа Александрова (портниха), Варя Николаева, горничная, и сестра Александровой, работница с красильной фабрики. Жили и мужчины, рабочие Растеряевского сталелитейного завода. Квартира считалась на имя матери Вари. Жили мы, действительно, коммуной: деньги вносились в общую кассу, имели общий стол, общую стирку, библиотеку. Все работали по дому, и никаких ссор и споров по этим делам у нас не было.

Девушки сыграли в организации большую роль. Молодые, здоровые, веселые, мы привлекали мужскую рабочую молодежь. Из ухаживанья выходило хорошее революционное дело. Я любила, как и другие, поплясать, попеть. «Вера хочет плясать» говорили частенько у нас, и мы устраивали вечеринки. На одной из таких вечеринок-собраний и познакомились с Шелгуновым (раб.) в ноябре 1891 г. Это была большая организационная сходка, где ввели много женщин в организацию. Такие вечеринки бывали обыкновенно каждое воскресенье и на Глазовой, и на Выборгской стороне. Хорошая была жизнь. Бывало, встанем утром и, вместо молитвы, запоем «Стеньку Разина».

Организация была большая, всех кружков и не помню. Так уже в 1893 году завязали сношения с заводом Сан-Галли через Варина мужа, рабочего фабрики Печаткина. Были, вероятно, связи и с другими заводами, но теперь не помню. Хочу указать на чисто рабочий характер организации. Организаторами главными были рабочие Афанасьев (ткач), Богданов, Карелин, Мефодиев, а, затем, после Норинский (с ним познакомил меня Фишер), Кейзер, Фишер, Иван Яковлев, Маклаков, Прошин, Медведев. И потому что организаторы были рабочие и действовали мы в своей знакомой среде, дело шло быстро. Сначала собирались два-три человека, а под конец, напр., на Петроградской стороне, нередки были собрания по квартирам человек 40—50.

Удавалось это потому, что мы быстро выработали приёмы конспирации: кроме уже того, что говорила,—вечеринки, гармошка, песни,—были у нас и клички, никто своим именем не назывался, когда, напр., сходились на большие собрания, ставили патрульных, были пароли.

У всех имелись конспиративные клички, а так как мы любили читать «Спартака», то дали себе названия по именам героев этого романа: Наташа называлась Лукрецией, я—Валерией, Коля Ляля—Спартаком.

На Полюстровской ул., в доме имелись плотные ставни; с дворниками жили в мире,—бывало, позовет его девушка, пошутит, посмеется, накормит, напоит, и все хорошо. Зато и предупреждали они нас об опасности нередко.

В Сумах я тоже без дела не осталась. Уехала я туда потому, что туда был уже выслан Алексей Егорович Карелин. Он там скоро организовал кружок литографов, а когда приехала я, то присоединила еще и гимназисток. Кружок этот был уже чисто соц.-демократический. В ноябре 1893 года меня снова арестовали и увезли в Харьковскую тюрьму. Здесь сидела 6 месяцев в губернской тюрьме, в одиночке. Женщина в тюрьме была только я одна.

Сначала сидеть было очень тяжело, а затем, когда познакомилась с украинской группой с.-д., стало немного полегче. Как-то раз, внезапно открывается форточка, летит сверток, там записочка, читаю, спрашивают: кто я и за что в тюрьме. Там же содержался совет, как переписываться. Скоро научилась вести переписку, и благодаря этому сразу же стала чувствовать себя лучше. Книг в библиотеке не было, и потому огромное удовольствие доставляла та литература, что доставала от украинцев. В тюрьме же единственная книга только и была,—30-летняя война Шиллера.

Нравы и режим в тюрьме заставляли содрогаться людей очень сильных. Помню, как привезли в тюрьму убийц—уголовных и сильно били их. Битьё и истязания в тюрьме процветали. Уголовные обыкновенно ходили на работы. Одной из таких работ являлось рытье могил, за что уголовные и получали деньги. Однажды надзиратели хотели отобрать у арестантов деньги, арестанты отказывались эти деньги отдавать, их начали бить; начальник тюрьмы бегал по тюрьме и науськивал на избиваемых уголовных свою собаку, огромного дога, который рвал арестантское тело в клочья. Двух арестантов убили. Подобные этой истории происходили нередко, и чувствовала я себя оттого ужасно. Если бы не сношения с украинцами, не знаю, что и было бы со мной. Сноситься помогал надзиратель, которому я шила рубашки.

В мае 1894 года вышла на волю. Дали $1^1/_2$ года гласного надзора полиции в Сумах. В 1895 году А. Е. Карелин уехал из Сум в Питер, осталась сначала одна, а затем приехала Гаврилова. Мы уже вдвоем продолжали работу с гимназистками; я завязала связи со студентами в Харькове. В 1896 году Гаврилову выслали в Вологодскую губ., а вскоре после этого окончился мой срок надзора, и я уехала, в марте 1896 г., в Петербург.

Здесь опять встретилась с Пашей Желабиной, Маклаковым и Кейзером, и скоро снова наладились связи с ткачихами на Новой Бумагопрядильне.

Началась забастовка ткачей, принимала в ней участие, работала в кружках. Помню случай, как во время этой забастовки во дворе Новой Бумагопрядильни происходило большое собрание; было много женщин; налетели казаки с нагайками, и началась порка. Одна работница, беременная, пыталась перелезть через забор, казаки бросились на нее, и один ударил нагайкой так сильно, что ткачиха от испуга и боли тут же родила. В это время имела очень тесную связь с Любовью Васильевной Миловидовой (женою Красина), которая обучала грамоте работниц (напр., жену Егора Афанасьевича, кузнеца). Познакомилась с Эсфирью Бернштейн. В конце мая 1896 г. была на собрании представителей «Союза борьбы», где, кажется, Ленин делал доклад об $11^1/_2$ часовом рабочем дне.

С 1897 года переехали на Васильевский Остров, и тут организовали кружок литографов, в который входили, между прочим, Василий Иванов и Маклаковы. Была связь с Нарвской заставой через Гаврилову, которая с мужем и Кейзером приехала из ссылки.

В. Карелина.

(Продолжение следует.)

ЕЩЕ О ХАРЬКОВСКОМ РАБОЧЕМ КРУЖКЕ КОНЦА 80-ых ГОДОВ.

(По поводу статьи В. Невского «Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других») [1].

Картина деятельности харьковского кружка, набросанная т. Невским на основании данных жандармского дознания, в общем согласуется с тою, какая встает в моей памяти: доносы Курелюка и переписка, и откровенные показания Велецкого дают достаточно материалов для характеристики этого кружка. Считаю только необходимым, насколько позволяет мне память, исправить некоторые неточности, вкравшиеся в статью т. Невского. Заодно пользуюсь случаем дополнить свои, написанные по просьбе Б. Эйдельмана, воспоминания об участниках этого кружка [2]).

Начну с фактических поправок.

Во-первых: Борис Львович (или Александрович) Эйдельман—киевлянин, с харьковским кружком в те времена в сношениях не состоял и по нашему делу не привлекался. О Киеве кое-кто из нас знал, что работа там среди рабочих ведется (я и имя доктора Абрамовича тогда от кого-то из студентов слышал), как знали мы (через моего однокурсника, виленца Лясса) о такой же работе в Вильне и в Минске. Но связей у кружка тогда с киевлянами, насколько я знал и помню, не было.

Во-вторых, о себе (это—уже к периоду 15 лет спустя): нелегальность свою я раскрыл после «Романовки» еще до суда в Якутске. Бежал же я через несколько месяцев после приговора из Александровского острога, кажется, 10-го января 1905 г. В августе 1905 г. я вернулся в Россию под именем Людвига Экснера и устроился в качестве иностранного корреспондента в Москве, где и застала меня ноябрьская амнистия, которою, впрочем, несмотря на мои старания, мне не удалось воспользоваться.

В-третьих, т. Невский был введен в заблуждение жандармскими умозаключениями насчет Веры Дениш (Диатолович). Между тем, они взвели на нее напраслину. С кружком рабочих в Харькове она только собиралась

[1] В сборнике «От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894)». Гос. изд. Донское отделение, 1921 г. (стр. 97—121).

[2] Они были напечатаны в № 14 «Еженедельника Правды».

познакомиться, но не успела, и только потому была пришита к нашему делу, что у нее нашли целый ворох писем Велецкого [1]).

Переходя к оставшимся у т. Невского под некоторым сомнением вопросам, могу подтвердить его догадку о возрасте Ю. Мельникова. Ювеналий говорил мне, что он старше меня на полгода, так что датой его рождения можно считать апрель 1868 г.

Слесарному мастерству, до поступления в железнодорожные мастерские, Ювеналий обучался в Ромнах у Ивана Васильевича по прозвищу Чумы (а по фамилии, если не ошибаюсь, Самичкина), имевшего свою маленькую мастерскую. Несмотря на то, что из конспирации Ювеналий не вел с ним в то время никаких разговоров на опасные темы, Иван Васильевич, как он сам потом рассказывал, именно под молчаливым влиянием Ювеналия, в котором угадал социалиста, стал и сам убежденным социалистом и на всю жизнь остался преданным другом Ювеналия. Перед разлукой, когда мы отправлялись в Кресты, Ювеналий дал мне его адрес, как человека, который всегда будет знать, как разыскать его, Ювеналия, и что с ним и куда его забросила судьба. А через Ювеналия я рассчитывал получить потом сведения и обо всех других членах нашего кружка. К сожалению, листочек тополя, на котором я зашифровал этот адрес и который я приклеил в какую-то книгу в виде закладки, где-то погиб, вытряхнутый, вероятно, при приемном обыске в Крестах, где все наши книги и вещи подверглись самому тщательному просмотру, хотя они сданы были не на руки нам, а в цейхгауз.

Из жизни Ювеналия в более ранний период его развития, вспоминаю, что, по его словам, на него оказали влияние проживавшие в то время в Ромнах под надзором полиции Конашевич и другие народовольцы. У них он прошел и свою первую школу конспирации. О первых своих выступлениях в рабочих кружках Ювеналий, как курьез, вспоминал, что еще совсем зеленым юнцом, конспирации ради, он усаживался, спрятавшись за печку, и оттуда «вещал», читал и беседовал со сбившимися в другом конце большой кухни своими слушателями.

[1]) С Дениш я познакомился в тюрьме. В то время она была народоволкой. Из бесед с нею помню, между прочим, что первые доносы на нее писал в патриотическом усердии ее родной отец, полтавский священник (автор какой-то приветственной кантаты во славу царскую), вогнавший в гроб ее мать, изводивший и ее и окончательно осердившийся на нее, когда, чтобы освободиться из-под его власти, она собралась вступить в фиктивный брак. Каким-то образом проведавший об этом и не знавший путем, в чем дело, поп сам настаивал на том, чтобы «обвести подлеца вокруг налоя вместе с этой дурой и негодяйкой, выдумавшей какой-то «интимный» брак. Просветившись потом насчет истинного значения этого мудреного брака, благочестивый отец при обыске у нее собственноручно помогал жандармам вытаскивать попрятанные по чуланам связки писем и пакеты нелегальщины.

В начале девятисотых годов в Якутске я слышал, что Дениш была снова арестована по какому-то делу, попала в Вологодскую ссылку и сблизилась там с Н. Бердяевым, увлекшись его мистицизмом. В 1915 г. я встретился с нею в Цюрихе, это был уже совершенно изверившийся, отставший от всякого революционного движения и на все и на всех озлобившийся человек.

Кто был автором «Опыта программы русской социально-революционной группы рабочих», не могу сказать, так как она была принята кружком еще до моего вступления в него. Может быть, это был Бекарюков; вернее, это было коллективное творчество. Не думаю, впрочем, чтобы Ювеналий был в числе авторов «Опыта» (так же, как, вероятно, и Абрам Фрейфельд, с которым в то время Ювеналий был особенно близок во взглядах и дружен), хотя в беседах и спорах он защищал общую линию этой программы. Но по вопросу о терроре, напр., он занимал особую позицию,— он готов был признать его только эпизодически, когда это был террор массовый, как это было, напр., в случае убийства мастера в железнодорожных мастерских, или когда нужно было отделаться от особенно вредного шпиона. К работе среди крестьян он относился скептически.

Вообще, в то время исканий, по рукам у нас циркулировало несколько программ. Были ли мы марксистами? Полагаю, что Ювеналий попросту тогда только не знал, что «говорит прозой марксизма»; по существу мысль его все время двигалась в марксистском фарватере. Что касается меня, то я только что начинал свое марксистское развитие, и во мне еще живы были кое-какие пережитки народнических взглядов по вопросам об интеллигенции и о крестьянстве. По первому вопросу, в гимназии после Писарева я увлекался Михайловским, и громадное впечатление на меня произвели «Исторические письма», по второму я находился под впечатлением «Критики некоторых философских предубеждений против общины» Чернышевского. Но еще перед вступлением в рабочий кружок я читал и перечитывал Лассаля (первый том собрания сочинений), проштудировал первый том «Капитала» сначала самостоятельно, а потом в студенческом кружке (правда, под руководством народовольцев Семена Стояновского и Леонтия Фрейфельда), с восторгом проглотил Марксову критику Гегелевской философии права и знал почти целиком наизусть речь Вильгельма Либкнехта «В защиту правды» («Zu Schutz und Trutz») и Лассалевскую «Программу рабочих». Все это я, как умел, излагал во время своих занятий в кружке. Принес я туда, помню, еще и устав первого Интернационала, на который натолкнулся в приложении к какому-то из исторических романов немецкого писателя Грегора Самарова.

Читать мы начали (не по моей инициативе, а, вероятно, по завещанию от Мейснера, или просто потому, что эта редкая книга как раз в то время попала к нам в руки) «Исторические письма» Миртова. Однако, несмотря на свое благоговейное отношение к этой книге, я сразу почувствовал, что тут она отказывается служить. В самом деле, обращенная к интеллигенции, в сердцах которой она зажигала энтузиазм, эта книга в рабочей среде, естественно, давала осечку, так как учение о цене прогресса и о долге образованных слоев общества перед народом воодушевления здесь породить не могло, и оставалась за ней лишь ценность систематизированного под этим углом зрения культурно-исторического материала, да и эта ценность в значительной степени ослаблялась загроможденным слогом П. Лаврова. Поэтому внимание моих слушателей довольно быстро утомлялось, и мы

переходили к беседам, главным образом, на политико-экономические темы и к обсуждению текущих дел, а потом и совсем оставили чтение «Исторических писем». Члены нашего кружка не разделяли моих иллюзий насчет прочности социалистических убеждений у учащейся молодежи, моего преувеличенного представления о возможности широкого распространения среди интеллигенции того воодушевления идеями социализма, какое я знал за собою и несколькими из моих товарищей. Такую же трезвость мысли проявляли они и по вопросу о роли крестьянства в революционном движении, двумя-тремя указаниями на факты опровергая мои теоретические построения. Впрочем, вопрос этот для них стоял на далекой очереди, и возникавшие иногда у нас на эту тему разговоры быстро заканчивались. Таким образом, остатки народнических взглядов в моем тогдашнем миросозерцании попросту не находили здесь той почвы для своего развития, какая имелась для них перед этим, в кружках студенческого молодняка, дававших внимательную аудиторию для моего изложения этого ряда мыслей. Здесь мои слушатели требовали и брали у меня лишь то, что я мог дать из того небольшого марксистского багажа, который был накоплен у меня к тому времени. Таким образом не я на них, а они на меня оказывали воспитывающее влияние, производя на меня прямо-таки давление в сторону развития начатков моего марксизма, с жадным вниманием поглощая мою передачу марксовых—лассалевских идей.

Дальнейшее воспитание в этом направлении я получил уже в тюрьме, от Ювеналия. Здесь, по разным поводам, у нас сами собою выдвигались на обсуждение и те вопросы, которые в нашей практической деятельности стояли на совсем далекой очереди. Таков был, напр., вопрос об отношении к обывательской публике из рядов так называемых либеральных профессий и к служилой интеллигенции вообще.

Тюрьма наша стояла, что называется, на юру, и из окна нашей камеры открывался вид на улицу, по которой к нам наезжали вице-губернатор, тюремный инспектор, прокурор и т. п. В дни, когда ожидался кто-либо из этого начальства, в камеру к нам обыкновенно являлся смотритель тюрьмы или помощник и, сев у окна, заводил с нами разговор на разные темы. Оба они подобрались из типа мягкотелых либералов, на тюремную службу пошли ради быстрейшей выслуги пенсии, состояли в умереннейшей и осторожнейшей оппозиции самодержавию, обнаруживая ее только перед нами и по секрету друг от друга, а нас убеждали, что не стоят мужики того, чтобы из-за них садиться в тюрьму. Ювеналий только подтрунивал над ними по поводу их сиденья у окна в ожидании начальства. А я попробовал было вступить здесь в спор по существу. Получив свой первоначальный социалистический заряд из книги Роберта Оуэна «Об образовании человеческого характера», я был еще так зелен, что готов был метать свой социалистический бисер перед всякими слушателями, в надежде завоевать их хотя бы только платоническое сочувствие к учению социализма. Ювеналий жестоко высмеял мое «наивное прекраснодушие», тут же произведя блестящий анализ экономического положения всей служилой интеллигенции,

и, расчленив ее на различные слои, указал, в каких случаях не безнадежна проповедь социализма в ее рядах—приблизительно то же, что впоследствии я читал у Каутского.

Вообще к интеллигенции у него часто проскальзывало ироническое отношение. Это бывало обыкновенно в пылу спора. С особенной силой сказалось оно, подстегнутое негодованием, когда «с воли» были получены нами сведения о провале в Киеве доктора Абрамовича и о поведении привлеченного по его делу кружка молодежи, занятиями которого руководил Абрамович. Я не имел возможности впоследствии проверить эти сведения и передаю их в том виде, в каком они были тогда рассказаны нам. В кружке этом было несколько человек студентов. На допросе кто-то из них попросил разрешения собраться и переговорить им без свидетелей, пообещав, что в результате этого, может быть, весь кружок даст «откровенные» показания. Жандармы разрешили. И вот, собравшись, эти молодые люди решили, что так как Абрамович все равно так запачкан, что дальше некуда, то и повредить ему уж невозможно. И рассказали все.

— «Обойдемся, может быть, и без интеллигенции, дайте срок, вот дотянутся сознательные рабочие до знания», сделал вывод Ювеналий, после того, как, возмущенные, мы обменялись мнениями по поводу этой истории.

В тюремной обстановке возражения часто делаются с исключительною целью не дать погаснуть завязавшемуся разговору. В роли такого возражателя quand-même (во что бы то ни стало), кинул я как-то замечание, что в том, что рабочий овладеет знанием, еще нет гарантии, что он применит это знание на борьбу за освобождение рабочего класса, и сослался на пример нескольких очень образованных наших рабочих (имен их теперь уже не помню), отпавших от социалистической работы и воспользовавшихся приобретенным в кружке развитием лишь для устройства личного своего благосостояния. Придавая только, так сказать, стимулирующее значение своему возражению, я был вполне удовлетворен, когда Ювеналий, отмахнувшись от него указанием на отпавших из среды интеллигенции, широкими взмахами стал рисовать картину возможного, хотя и не в близком будущем, захвата власти квалифицированными рабочими путем организованной ими всеобщей остановки производства (термина «всеобщая забастовка» он, помню, не употреблял). Читая «Предвидения» Уэллса, много лет спустя, когда я уже пережил революцию 1905 г., я вспоминал эту Ювеналиеву картину, так как Уэллс так же отводил решающую роль при будущем перевороте «классу» техников и «умелых людей».

В заключение мне хочется остановиться еще на фигуре Якова «Небесного». Воспитанник Всеволода Гаршина, это был даровитый человек, поэтическая и страстная натура. К сожалению, обстоятельства не позволили ему развернуть в нашем кружке во всей широте те недюжинные способности агитатора и пропагандиста, которые были заложены в его душе, и то воодушевление к делу борьбы за освобождение рабочего класса, которым горела эта душа. Несчастье его заключалось в том, что в кружок он был введен не помню кем-то из старых его членов (мерещится мне фамилия

Смуров или Смурин, но, может быть, я и ошибаюсь), который вслед затем уехал и вскоре после того был арестован и ушел в ссылку, кажется, в Архангельск. Насчет Якова, как мне передавал потом Андрей Кондратенко, его как следует и расспросить не успели, а между тем тот со всею страстью вошел в работу кружка и быстро продвинулся в центр его. А между тем кружок смутно чувствовал какого-то предателя в своей среде. И может быть, Курелюк, которого никто в то время не подозревал, чтобы сбить наших со следу, направил их внимание в эту сторону. И несмотря на подкупающую искренность Якова «Небесного», с ним решили на всякий случай осторожничать. А «осторожничали» недостаточно осторожно: скроют от него какое-нибудь заседание кружка, на которое по штату ему полагалось попасть, а потом проговорятся, что вот решено было то-то и то-то.—«Как? Когда?»—«Да на заседании тогда-то»,—и начнут выпутываться. А Яков был впечатлителен и самолюбив. Заметив, что с ним хитрят, он сразу решил было отойти. Но долго не выдержал и думал заработать доверие товарищей преданностью делу и энергией работы. И снова впрягся, и снова начал работать со страстью и увлечением. Рабочий молодняк, говорили, любил слушать его образную речь и заражался его воодушевлением. Но все эти старания не помогли. Его понемногу оттирали и перед ним конспирировали по-прежнему. И снова Яков отошел (в тюрьме уже он рассказывал мне, что пробовал было начать пить в это время), и снова не выдержал, и снова пытался войти в работу и в доверие товарищей, но с еще меньшим успехом, потому что его поведение казалось странным («он кутит, он гуляет») и только сгущало возникшие против него подозрения.

В таких метаниях томилась эта страждущая душа под гнетом незаслуженного оскорбительного отношения товарищей вплоть до самого ареста. Но и тюрьмою не снята была эта страшная тень с его имени. По городу пошли гулять слухи, будто Яков предатель, потому что в то время, когда мы все сидели уже в тюрьме, его видели на какой-то улице на извозчике, другие будто бы встретили его где-то в бане и т. п. Слухи эти (теперь для меня это ясно), очевидно, были пущены и распространены стараниями Курелюка, так как до нас они дошли через жену Васи Соколова, к которому втерся в дружбу этот мерзавец. Вернувшись как-то со свидания, Соколов зашифровал эту весть самым примитивным шифром (обозначив каждую букву алфавита порядковым номером ее) и, пригласив Андрея Кондратенко (или Ваню Веденьева) записывать цифры, стал выкрикивать их через коридор, по обе стороны которого, одна рядом с другою, были расположены наши камеры. Естественно, что записывать цифры бросились все мы (в том числе и Яков «Небесный»), полагая, что конспирация относится лишь к тюремному надзирателю, находившемуся в коридоре. Вздорность этих слухов была для нас ясна с первого слова, так как условия сидения нашего в Харьковском тюремном замке были таковы, что мы знали каждый друг о друге всю подноготную тюремной жизни, и отлучиться куда-нибудь незаметно для других никто из нас не мог. Но тяжело было выслушать Якову про себя такую молву. Мы, разумеется, при следующем же свидании

передали «на волю» опровержение этих выдумок, но это мало могло утешить Якова, и при прощании он с горечью говорил мне, что после тюрьмы он, вероятно, навсегда уж отстранится от движения, так как над ним, очевидно, тяготеет какой-то злобный рок, и слишком мучительно было для него то, что ему пришлось пережить во время работы в кружке.

Отбывать наказание по приговору нас привезли в Питер, в Кресты, и тут я потерял всякую связь со всеми ними. Как квалифицированные рабочие, тут они попали, кто в слесарные, кто в портняжные и т. п. мастерские. Я же попал в другой корпус, так как, когда меня спросили, каким ремеслом я хочу заняться, я ответил, что хотел бы научиться сапожному, но мне отказали, в виду краткости моего срока, тогда я решил стать текстильщиком. Меня поставили сначала щипальщиком, потом мотальщиком. Наконец, я стал ткачем и выучился неплохо управляться с ручным ткацким станком. В то время, как кругом платили уголовным по двугривенному за кусок, мне платили полтину, так как я ткал без огрехов. Пробовал я тогда завязать сношения с кем-нибудь из политических, но мне не удалось. Перестукиваться было невозможно, так как политических размещали так, что от одного до другого был промежуток в 6, а то и 10 камер уголовных. Я пробовал развешивать на перилах лестниц длинные нити с узелками, которыми в соответственных группировках обозначал буквы, но мои такие записки оставались без ответа. Точно так же не увенчались успехом и попытки мои завязать сношения при помощи точек под буквами в книгах из тюремной библиотеки. Свой срок мне пришлось коротать в работе и чтении. Библиотека тюремная, к сожалению, была неважная. Кроме одной книги из библиотеки, разрешалось еще получать в камеру один учебник из собственных книг. И тут мне приходилось выдерживать постоянные споры с помощниками насчет того, учебник ли «Основы химии Менделеева» или «Руководство к анатомии», или «Курс физиологии».—«В разрешении-то, ведь, сказано «учебник», а не «основы»,—упрямо твердил помощник из приставов с ухватками кавалерийского офицера. В остальном условия тюремной жизни я находил неплохими, пища на мой взгляд была сносная. Как-то раз я услышал даже такое восклицание со стороны одного уголовного: «Э! да отсюда меня не выгонят! Тут щи такие, что хоть на светлый праздник!» Тем более поражен я был, когда услыхал, что Ювеналий заболел цынгою.

По отбытии своего срока в Крестах, я был выслан за границу без права возвращения в Россию. Я поселился в Вене. Здесь через год я был обрадован письмом от моего харьковского приятеля, толстовца Ширяева, в котором он, между прочим, сообщал мне, что на первое мая состоялось, опять таки на Основе, собрание рабочих, что пелись песни, говорились речи и было даже красное знамя и что в этой маевке принимало участие человек около 300. Таким образом я узнал, что уцелел наш рабочий молодняк, группировавшийся в кружках саморазвития, и что не заглохла с нашим арестом социалистическая пропаганда среди харьковских рабочих.

В. Перазич.

ДВЕ ВСТРЕЧИ.

В дополнение печатаемых нами воспоминаний будет не лишним рассказать здесь о двух встречах, какие пришлось мне пережить в памятные дни октября,—с т. Зиновьевым и т. Лениным. Это было буквально за несколько дней до октябрьского восстания. Атмосфера была заряжена электричеством. Чувствовалось такое напряжение, какого люди, вероятно, дотоле не испытывали никогда. Это чувство теперь трудно передать словами, но кто его пережил, не забудет его никогда. Как будто в природе и в душе все было натянуто, как струна: натянута, вот-вот зазвенит и оборвется.

В нашу военную организацию рабочие, не говоря уже о солдатах, ходили сотнями. Спрашивали: «Скоро? Пора бы начать?..» Иные покачивали головами и тихо говорили: «Надо начинать... иначе все пойдет прахом»... Шла лихорадочная работа. Доставали оружия откуда и где могли. Солдаты в наших частях просто десятками брали винтовки и передавали их нашим рабочим дружинам. Не было рабочего дома, где бы не имелось оружие. Но всего этого было еще недостаточно. Центр нашей военной организации, имевшей в те дни колоссальное первенствующее значение, ибо это был боевой штаб, на котором лежала задача технически провести восстание и захватить власть, беспрерывно обсуждал вопрос, как и когда именно начать операции. Центральный комитет партии уже вынес решение о необходимости начать восстание, директива его была обязательна для нас, но мы, наученные горьким опытом июльских дней, медлили и обдумывали план выступления. Многое еще было не подготовлено, многое нужно было наладить, многое исправить, а кое-где имелись прямо вопиющие пробелы. Мы имели прекрасную базу в Петербурге, довольно прочно чувствовали себя в Москве, хороший оплот имелся в Кронштадте; прочные связи были завязаны на Северо-западном фронте и в других частях действующей армии, но мы не были уверены в Финляндии, кое-какие опасения внушали нам близлежащие пункты, как, напр., Дно, Луга; довольно неопределенное настроение наблюдалось и среди казаков.

На одном из последних заседаний Бюро военных организаций голоса разделились, и, насколько мне помнится, я и т. Подвойский высказались за выступление, но с отсрочкой недели на две, т. Механошин высказывался

за немедленное выступление, очень энергично его поддерживал т. Менжинский, а т.т. Крыленко и Размирович занимали позицию среднюю между нами и сторонниками немедленного выступления.

Таким образом, окончательное решение было в том духе, что военная организация напрягает все силы и подготовляет выступление, день которого будет определен Центр. Комитетом. 15-го октября состоялось закрытое заседание Пет. Ком. нашей партии, где после доклада члена ЦК А. С. Бубнова мною был сделан доклад от имени Военной организации. В докладе я согласно директиве Бюро В. О., не отказываясь в случае надобности от немедленного выступления, все же указывал на необходимость более тщательной подготовки. П. К. принял несколько практических постановлений, но радикально вопроса не решил.

Выйдя из помещения П. К. и возвращаясь домой, я чувствовал, что восстание близко и что дело нескольких дней, как вопрос будет разрешен жизнью.

На другой день вечером часов в 9 в помещение нашей Военной организации на Литейном зашел, если не ошибаюсь, т. Шотман и предложил мне повидаться с т. Зиновьевым. Я очень обрадовался. Радость эта объяснялась как тем, что я был связан узами старинной товарищеской работы еще с 1906 года в Петербурге, так в особенности тем, что хотелось узнать, как смотрит на дело он сам и т. Ленин, с которым он вместе делил конспиративную жизнь. Повидать т. Зиновьева, на которого так покушались враги революции, очень хотелось, хотя и было боязно провалить его своим посещением.

Мы вышли из дома Военной организации и, осторожно наблюдая вокруг себя, пробрались на Выборгскую сторону, сели в трамвай и покатили в Лесной.

Шел проливной дождь. Было темно, грязно и холодно. Высадившись на какой-то остановке, мы еще более осторожно зашагали по лужам, утопая по колена в грязи и воде. Шли мы довольно долго и очень скоро свернули в такую грязную и темную улицу, что буквально плыли по грязи. Через несколько минут мы остановились около небольшого домика, и мой спутник осторожно стукнул в окно. Нам открыли дверь, мы вошли и очутились в теплой, чистой и светлой комнате. Там, улыбаясь, стоял тов. Зиновьев, неузнаваемый и чужой с совершенно измененной наружностью. Нет его пышной шевелюры, какое-то бритое актерское лицо. Тут же посмеиваясь топтался как всегда спокойный Михаил Иванович Калинин.

Расцеловались, уселись за стол, и за стаканом чая полилась тихая, но горячая беседа. Спрашивал т. Зиновьев, отвечал я, а Михаил Иванович Калинин вставлял свои остроумные, насыщенные практикой и знанием рабочих настроений, замечания. Я был поражен прежде всего той удивительной осведомленностью, какую обнаружил т. Зиновьев. Он знал не только то, что и как думали наши организации, но довольно правильно оценивал и настроение масс. Оставалось только удивляться, как это могли люди, заброшенные в лесу, оторванные от живой действительности, давать правильную

оценку той ожесточенной борьбе, какая кипела кругом. Подробно и внимательно расспрашивая даже о мельчайших деталях этой борьбы, т. Зиновьев тоже как будто бы склонялся к тому, что нужно тщательно и обдуманно подготовиться к тому удару, который мы собирались нанести нашему врагу, чтобы не оказаться в еще более тяжелом положении, чем мы оказались в июле 1917 года.

Тов. Калинин, молча слушавший в последние моменты наш разговор, вдруг с хитрой улыбкой заметил: «А восстание все-таки будет, и будет гораздо скорее, чем мы все ожидаем. И не надо этому противиться. Надо это понять, и тогда разрешатся все сомнения и колебания». Тов. Зиновьев задумался на мгновение и затем снова кратко, но ясно указал те слабые пункты нашей подготовки, которые нам, людям, непосредственно кипевшим в суматохе организационной, были не заметны или не видны. Он метко и не без юмора указал на наши промахи, и мне только оставалось в душе благодарить и его и тов. Калинина за те указания, которые били в самые больные наши места.

Дождь продолжал лить, завывал ветер в трубе, и я с беспокойством прислушивался всякий раз к его порывистым ударам в ставни, принимая их за стук непрошенных гостей: была боязнь, как бы я не привел в квартиру т. Калинина непрошенных гостей. Это могло, конечно, случиться. Каждым из членов Военной организации, даже таким маленьким и рядовым, как я, контр-разведка могла воспользоваться, чтобы выследить убежище такой ценной для нее добычи, как т.т. Ленин и Зиновьев. Последний с улыбкой посматривал на меня и успокоительно говорил: «Мы здесь как за стенами крепости».

Нужно, однако, было итти. Мы простились. «Ну, сказал товарищ Зиновьев: скоро встретимся в более благоприятных условиях! Всего хорошего. До скорого свидания!»

Он не ошибся, через какую-нибудь неделю и он и т. Ленин уже не скрывались, а полным голосом и не боясь контр-разведки Керенского на весь мир говорили от имени пролетариата всей России.

Уже другим путем, но все так же осторожно мы возвратились назад, хотя меня всю дорогу не покидало тревожное чувство, а не привел ли я т. Зиновьеву непрошенного соглядатая.

Другая встреча отчасти, уже мною описанная, произошла с т. Лениным уже дня за три до восстания.

Причины этой встречи были все те же: неопределенность положения, какое заняло наше Бюро. Пренебрегать такой крупной и важной организацией, как наша Военная, было, конечно, нельзя, но и оставлять дело в таком положении, в каком оно находилось, было тоже невозможно. Когда Владимир Ильич жил в Петербурге, он нередко сам присутствовал на наших военных заседаниях, причем мало обращал внимания на наши разглагольствования, но зато внимательнейшим образом прислушивался к голосу солдат. Так, я никогда не забуду одного заседания, происшедшего вскоре после отмененной меньшевиками нашей демонстрации 10-го июня. На все

наши длинные рассуждения, что и как нужно сделать, Владимир Ильич задал простые вопросы: что и где нами сделано, где и какие связи в полках у нас есть и на какие силы мы рассчитываем. Тогда мне казалось это даже мелочным. «Ну, чего допрашивать, думал я: ведь есть и связи и силы, так о чем разговаривать. Начинай демонстрацию и баста». Когда же Владимир Ильич основательно выпотрошил нас, то оказалось, что и то не предусмотрено, и то не доделано, и то упущено. Было конфузно и досадно за свое ничем не оправдываемое самомнение и хорошо было вместе с тем, ибо чувствовалось руководство и полезные указания. Теперь же, когда нельзя было посоветоваться с Владимиром Ильичем, порой казалось, что попал в какую-то дыру, из которой никак не вылезешь. И то не так, и это не так, а как сделать, не с кем и посоветоваться.

Поэтому, когда тот же т. Шотман тоже вечерком внезапно появился у нас на Литейном и предложил нам с т. Подвойским отправиться к Владимиру Ильичу, мы с радостью выскочили на улицу и отправились все в те же места, что и незадолго до того. Теперь мы уже следили за каждым своим шагом. Нам казалось подозрительным малейшее необычное явление уличной жизни. Но все как будто бы шло благополучно. Вдруг почти у самой цели путешествия, когда мы шли пешком, рядом с нами появился велосипедист: он то немного отставал от нас, то, далеко уйдя вперед, выжидал нас и снова ехал медленно. «Шпик!» шепнул кто-то из нас. «Шпик!» прошептали затем мы все втроем. «Пойдем назад», решили мы. Слишком необдуманно было бы рисковать Владимиром Ильичом ради того, чтобы он как следует прочел нам товарищескую нотацию за наши колебания и нерешительность.

Но т. Шотман был неумолим. «Я вас должен доставить на место во что бы то ни стало», говорил он: «и плохие мы были бы революционеры, если бы не сумели провести шпика». Он круто повернул в какую-то улицу, и очень скоро мы потеряли из виду велосипедиста. Все же, когда мы вошли в квартиру покойного ныне Мити Павлова, где ожидал нас Владимир Ильич, мы попросили его хорошенько обследовать местность, и только тогда, когда он точно установил, что усмотренный нами велосипедист даже не показывался вблизи и что никаких тревожных признаков нет, мы успокоились.

Войдя в комнату, мы прямо ахнули: перед нами был совершенно чужой человек, а не наш обычный Владимир Ильич, так искусно изменил он свою наружность. После радостной встречи, началась беседа, содержание которой кратко уже было описано и мной, и т. Антоновым, и т. Подвойским.

Мне только хочется здесь подчеркнуть, с каким огромным запасом веры в наше дело я выходил от Владимира Ильича. От моих сомнений не осталось и следа. Мне потом пришлось поехать в Гельсингфорс к т. Смилге и Дыбенко, чтобы условиться с ними о совместных действиях и помощи, и, возвращаясь обратно в Петербург, я уже не сомневался в успехе.

Мне не хочется рисовать Владимира Ильича каким-то богом или бесплотным духом, но я должен сказать, что в его словах звучала железная

логика марксистского метода, непоколебимая твердость и энергия тех масс, интересы которых он выражал и отражал, и именно потому, что в его голове претворились и сконцентрировались эти желания и мысли десятков миллионов трудящихся масс, а его сердце билось как сердце этих десятков миллионов человек, именно потому, что он как центр впитал в себя и страстное желание этих масс победить, и несокрушимую энергию преодолеть все, и суровую решимость не бояться жертв во имя же интересов трудящихся, и великий разум великого народа, именно поэтому он был, как всегда, и вождем этих масс, и слова его были уже не просто слова, а живые факты жизни. А факты убеждают лучше всего.

В. Невский.

РАЗГРОМ ЕВРЕЙСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В 1898 г.[1]).

По неизданным архивным материалам.

В 90 г.г. в северо-западном крае велась большая социал-демократическая пропаганда.

После съезда в 1897 г. в Минске представителей еврейских рабочих кружков и образования «Бунда» подпольная работа приняла характер более активный и согласованный.

Интенсивный рост революционного движения среди еврейских рабочих привлек сугубое внимание департамента полиции: началась отчаянная слежка за всеми участниками его.

Вся розыскная деятельность в северо-западном крае была теперь сосредоточена в Москве и поручена начальнику тамошнего охранного отделения—С. В. Зубатову, который поставил себе целью уничтожить, вырвать с корнями «Бунд».

Зубатов усовершенствовал дело полицейской агентуры, внеся в него некоторые изменения.

Он наводнил район деятельности «Бунда» многочисленными своими агентами, которые по телеграфу и почтою сообщали ему о результатах наблюдения.

В московском охранном отделении эти разрозненные сведения систематизировались и сводились в так называемые здесь дневники наблюдения.

Таким образом Зубатов располагал как бы картой нелегальной работы и мог контролировать и руководить одновременно деятельностью филеров в разных городах.

Агенты Зубатова начали применять новый метод слежки: напав на след нелегального работника, они его не арестовывали, а оставляли на свободе. Далее, держа его беспрерывно в сфере своего наблюдения, следуя по пятам его, выясняли всех тех лиц, с которыми он приходил в сношения.

В конце февраля 1897 г. Эйдельман, один из главных работников «южно-русского рабочего союза», проехал, при конспиративной обстановке через Екатеринослав, Харьков и Бахмач, в Минск на 1 съезд Р. С. Д. Р. П.

[1]) Материалом для настоящей статьи послужили дела Ист.-рев. архива, б. департамента полиции, № 310, ч. I и II, лит. А, Б, В, т. I, II, III, IV, 1898 г., 4 дел., и № 5, ч. 21, лит. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, т. I, II, III, № 5, ч. 25, т. III, л. А, Б, № 5, ч. 18, л. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, т. I, II, III, IV, V, VI. 1898 г.,

НАБРОСКИ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ НА УКРАИНЕ.

I

Богунцы и таращанцы.

История образования и развития революционной армии труда имеет два периода: Красную Гвардию и Красную Армию. Но на окраинах, в том числе на Украине, являвшейся неоднократно ареной оккупации разными белыми армиями, были еще и промежуточные формы. В тылу белых, будь то немцы, петлюровцы или деникинцы, образовывались партизанские отряды, весьма разнообразные и по численности, и по методам своего образования, и по целям. На-ряду с отрядами, чувствовавшими себя органической частью, хоть организационно и оторванной, Красной Армии, были и такие, которые считали своим назначением бороться с белыми лишь в пределах своей территории, своей области (волость, уезд или несколько уездов). На-ряду с отрядами определенно советской ориентации были и с махновским оттенком, и, наконец, просто политически неоформленные, которые лишь чуяли, что за белыми генералами грядёт помещик. Но и помимо партизанов были войсковые образования, которые входили в состав Красной Армии, считали себя ее частью, подчинялись в оперативном и других отношениях ее командованию, но по своей внутренней организации, распорядку и методам действий вполне сохранили партизанский дух.

Среди таких полупартизанских, полукрасноармейских отрядов особенно славные страницы в историю революции на Украине вписали т. н. богунцы и таращанцы.

Как те, так и другие сформировались летом 1918 г. на демаркационной полосе, отделявшей немецко-гетманскую Украину от Советской России. Кадром таращанцев явились крестьяне и казаки Таращанского уезда, поднявшие восстание в самой гуще немецкой оккупации и с боем прорвавшиеся к границе сквозь сплошные кордоны саксонцев. Их командиром и батькой был киевский рабочий тов. Батенко. Фабричные рабочие г. Клинцов, этого украинского Манчестера, образовали под руководством тов. Щорса кадры полка имени Ивана Богуна, популярного среди украинцев исторического военачальника.

И в то самое время, когда между т.т. Раковским и Мануильским, с одной стороны, и «социалистом-самостийником» д-ром Шелухиным шли нескончае-

мые мирные переговоры, всем было ясно, что недалек тот день, когда обмен остро отточенными речами сменится более выразительным языком штыков и пулеметов. И все готовились: буржуазия спешно распродавала всё, что можно, и переводила все свои богатства в деньги, преимущественно в иностранную валюту, рабочие и крестьяне вливались в полки, формировавшиеся у границы, впоследствии образовавшие «1-ю Украинскую Советскую дивизию» [1], командование которой было возложено на вождя богунцев тов. Щорса при комиссаре т. Шкляре.

В 1919 г. и т. Батенко, и т. Щорс погибли в боях на красных фронтах.

Когда осенью 1918 г. дрогнула мощь германского империализма, богунцы и таращанцы ринулись в бой во имя освобождения труда и власти Советов. Как те, так и другие прошли от Клинцов и Михайловского хутора, находящихся на северо-востоке Украины, до западной ее границы, не имея ни одного дня отдыха, не имея никакого или почти никакого аппарата снабжения, вооружаясь и кормясь за счет разбиваемого противника, который иногда значительно превосходил их численно и всегда технически. Но они шли вперед, не отступая и не останавливаясь, усиливаясь по дороге с каждым днем от вливающихся в их ряды рабочих и крестьян, получивших прекрасный наглядный урок о прелестях иностранной демократии—в виде немцев, и внутренней—в лице гетманщины и петлюровщины. Они росли, как снежный ком. Их резервы были впереди них и были неисчерпаемы, их возможное число равнялось числу трудящихся.

Обычную воинскую дисциплину у них заменяла вера в своих вождей и крепкая товарищеская спайка; вместо стратегии и штабных талантов — революционный энтузиазм; вместо военной техники — молодецкая удаль и отвага. Они опрокидывали все достижения теории военного искусства, но... победителей не судят. Они гордились тем, что не высылают вперед себя разведки. В наиболее трудных случаях они решали вопросы по старинному способу новгородского веча.

Вообще, это были новгородские ушкуйники или сечевые запорожцы, но освященные и спаянные социальными мотивами XX века.

Когда они уже были в западных уездах Волыни, подойдя к Луцку, Новоград-Волынску — пограничной полосе польской оккупации, то на вопрос: что же дальше? отвечали: мы не остановимся, пока не насадим Советскую власть до самой Португалии.

II

Петлюровские герои.

К весне 1919 г. боевая слава богунцев была в своем зените. Они получили репутацию непобедимых. Настроение других красных отрядов подымалось от одного сознания, что богунцы невдалеке. Их приближение создавало

[1] При образовании единой русско-украинской Красной Армии она вошла в состав 44-й дивизии.

панику и усиливало разложение в «жовто-блакитных» частях. Петлюровские власти, у которых ложь и клевета были не только излюбленным, но и самым сильным орудием борьбы, заменявшим агитацию и пропаганду, считали необходимым через каждые несколько дней выпускать очередную утку о богунцах, главным образом на тему о разложении в их рядах, об их массовой сдаче в плен, о переходе их на сторону «Украинской Народной Республики»; ко всем слухам о богунцах всевозможные січевики, залізничі полки, и разных цветов жупанники относились с большим настороженным вниманием. Остатки членов Трудового конгресса и сам «Петрів» — новая восходящая к этому времени звезда на петлюровском небосклоне — считали своей обязанностью время от времени выступить с очередным успокоительным заверением о богунцах.

«Петрів», бывший «блестящий» гвардейский офицер одного из привилегированных полков, из черносотенца вдруг почувствовал себя демократом и социалистом, из российского патриота превратился в украинского националиста и самостийника, свой эффектный гвардейский мундир с погонами и позументами променял на рваную шинелишку и обмотки, свою русацкую фамилию «Петров» переделал в «Петрів» и, став «щирым», совершенно перестал понимать «московську мову» (русский язык).

У петлюровцев, как и в других удалых шайках, не спрашивают ни роду, ни племени, прошлым не интересуются, и естественно, что «Петрів» стал быстро делать карьеру. Начальник юнацкой школы, затем начальник гарнизона в Житомире в то время, когда Житомир с очень узко ограниченными окрестностями и часть Подолии представляли собою всю территорию «Української Народної Республики», и, наконец, военный министр — таков его послужной список за несколько месяцев. И в настоящее время, судя по данным, опубликованным в 1921 г. ВУЧК, он играет видную роль среди зарубежных петлюровцев.

Для характеристики этого политического, с позволения сказать, деятеля весьма поучителен следующий эпизод.

Как известно, Петлюра, заключая с Жаботинским и Красным разные договоры о «единении украинской и еврейской науки», провозглашает, что он Украину превратит в Палестину для евреев. Это евреелюбие, однако, не мешало во все времена петлюровцам изображать Советскую власть, как жидівское засилье, как власть жидів над христианами, а Ч. К., как специальные органы расправы китайцев и евреев над бедными украинцами; это евреелюбие не мешало петлюровцам проводить гнуснейшую юдофобскую агитацию и залить Украину потоками еврейской крови и наполнить ее от края до края криками насилуемых еврейских женщин и с пытками убиваемого еврейского населения.

8—13 января 1919 г. в Житомире был еврейский погром со всеми обычными при этом явлениями (грабежи, убийства, насилия), произведенный петлюровскими регулярными частями под начальством атамана Палченко, который впоследствии разъезжал с двумя вагонами «річевих доказов» (вещественных доказательств—награбленными во время погрома вещами)[1]. Образовалась общественная следственная комиссия, в которую вошли прокурор, его товарищи, члены окружного суда, судебные следователи, представители городской думы, — словом, «коалиция живых сил». Не успела комиссия как следует развернуться, как 21 марта начался в Житомире второй погром, гораздо более жестокий и кровавый, при попустительстве высшего военного начальства Директории (командующего северной группой войск офицера австрийского генерального штаба Беня, командующего северо-западным фронтом Оскилко, губернского комендапта Блонского, городского коменданта Возного и пр., и пр.). Во всей окружности по городам, селам и местечкам разыгрывался погром за погромом (а в некоторых местах, как, например, в Овруче, и по несколько раз один за другим с небольшими интервалами—главный инициатор «отаман» Козырь-Зирка), не считая избиения евреев по железным, шоссейным и грунтовым дорогам, на станциях и постоялых дворах, не считая и каждодневного кровавого террора, ставшего бытовым обыденным явлением.

И вот, следственная комиссия, несмотря на свою лояльность по отношению к петлюровщине, на каждом шагу натыкалась на непреодолимые препятствия и решила отправить депутацию к Петрову, но последний (как и все без исключения петлюровцы — «демократ» и «социалист») очень убедительно доказал депутации, что если казак снимает с какого-нибудь Шмуйлы рубашку или даст ему по голове, то из-за этого не следует подымать шума, что не мало и украинцев гибнет и что он своих казаков в обиду не даст. (Об этом разговоре составлен соответствующий акт, хранящийся в делах следственной комиссии.)

Таков «Петрів», такова и вся петлюровщина.

III

Богунцы на отдыхе.

Весною 1919 г. богунцы попали в трудное положение.

Они продвигались от Киева по направлению к Коростеню. В это время произошло в Гомеле восстание Стрекопытова, увлекшего за собою некоторые красноармейские части, в число которых входили в некотором количестве туляки. При своем бегстве из Гомеля Стрекопытов с остатками своих повстанцев сжег Мозырский мост и присоединился к петлюровцам. Это влило новую струю бодрости в ряды последних, и они довольно компактными силами заняли узловую станцию Коростень. Одновременно с этим оживилась деятельность разных банд.

Надо отметить, что в девственных северных уездах Волыни до 1919 г. ни разу не было советской власти. Так, например, в Житомире ни в 1917,

[1] Из ленты переговоров по прямому проводу между волынским губерніяльным комиссаром Сумневичем из Житомира со ставкой командующего петлюровским фронтом Оскилко в Ровно.

ни в 1918 г.г. ни одного дня не было власти Советов. Бывали моменты, когда красное знамя развевалось не только над всей Россией, не только над всей территорией левобережной Украины, но и над Киевом, отстоящим от Житомира по Брест-Литовскому шоссе всего на 125 верст, и над значительной частью правобережья, а в Житомире в это время хотя и не было тиши и глади, но была петлюровская благодать. Лишь в 1919 году впервые в начале января местные рабочие, при содействии гарнизона, захватили власть на 3 дня, затем 5-й конный имени Л. Троцкого полк под командованием тов. Циупчика-Орлова продержался в городе с 13 по 21 марта, и лишь в конце апреля город довольно прочно стал советским, и стали разворачиваться советские учреждения.

Естественно, что у местных крестьян, питавшихся петлюровской «информацией» о большевиках, было совершенно ложное представление о Красной Армии и о советской власти, и к различным «отаманам» в банды стекались не только кулаки, но и часть незаможных (бедных крестьян), а оружия в этих местах, вследствие расхищения имущества бывшего юго-западного фронта царской армии и разоружения немцев при очищении Украины, было видимо-невидимо.

К этому надо вспомнить, что в приграничной полосе после стихийной демобилизации юго-западного фронта осело достаточное количество авантюристских элементов, которые чувствовали себя в бандах, как рыба в воде, что на Волыни в продолжение ряда лет епископ Евлогий и Почаевская лавра сеяли свои мракобесные идеи, что при пестрой смеси национальных групп Волыни они разделялись между собою в общем и целом по признакам социальным (польские помещики, русское чиновничество, еврейский торговый люд, украинское крестьянство), и это обстоятельство было хорошо использовано социал-шовинистами Центральной Рады и Директории. Неудивительно, что среда оказалась весьма благоприятной для разведения банд.

Богунцы, учтя положение и все его трудности, благоразумно решили отступить и двинуться обратно. Связи ни с одной красноармейской частью не было. Но и отступить нельзя было. Когда они вернулись к реке Тетереву (на полпути между Киевом и Коростенем), через который они несколько дней тому назад перешли, то мост оказался взорванным. В это время из района Радомысля надвигалась банда Соколовского, дальше оперировал Зеленый, и чуть не в каждой деревне либо ота́ман, либо отаманчик. Обоза, интендантства почти никакого, о резервах и говорить нечего.

И вот, очутившись в таком пункте, богунцы, видя, что отступить или уходить в сторону нельзя, решили... пойти вперед. И разбив превосходные силы петлюровцев, заняли Коростень и двинулись дальше.

Не суждено богунцам отступать...

1 мая 1919 г. они вступили в Житомир, где им была обещана месячная стоянка. Это был их первый отдых с осени 1918 г., когда они впервые вступили в бои с гайдамако-немецкими отрядами.

К этому времени их состав был весьма разнороден. Клинцовские рабочие растворились в массе примкнувших по пути крестьян. К тому же

ряды их были сильно разбавлены бывшими петлюровцами, переходившими на сторону победителя. Среди последних много тайных жовто-блакитных агентов, которые имели своим назначением вносить дух разложения в ряды богунцев.

И, действительно, появились кое-какие наносные настроения. Стали всё чаще раздаваться голоса протеста против «тыловых комиссаров», против «чрезвычаек, в которых засели китайцы и жиды». Появились фразы и речи, словно выхваченные из петлюровских прокламаций.

И в первый же день их вступления в Житомир едва не разыгрались печальные события.

Житомир впервые участвовал в международном празднестве пролетарской солидарности. Еще процессии и митинги не закончились, как из дома № 32 по Киевской улице, где в числе других домов только что расквартировались богунцы, раздался провокационный телефонный вызов в Губчека с извещением, что прибывшие богунцы начинают погром. Немедленно на бричке прибыло 3 командированные агента, в числе которых был один китаец. Приезд этих агентов да еще наличие среди них китайца, сыграло роль зажженной спички, брошенной на стог сена. Моментально появились какие-то подозрительные личности среди богунцев, какие-то бабы, какой-то чиновник с кокардой акцизного ведомства, раздались будоражащие возгласы, клики: «к оружию! наших бьют!», и богунцы с пулеметами и в полном вооружении стали быстро сбегаться к этому дому.

Китаец был ранен. Настроение стало весьма повышенное и определенно с погромным душком. Тщетно среди богунцев наиболее сознательные увещевали товарищей. Чем бы это окончилось, трудно сказать, если бы в момент высшей ажитации не подоспели на автомобиле тов. Щорс, который к тому времени был командиром 1-й украинской советской дивизии, но которого богунцы хорошо помнили, как своего недавнего непосредственного командира, делившего с ними все трудности и опасности походов, и любимого вождя.

Несколько слов тов. Щорса, и атмосфера разрядилась. Началось импровизированное чествование тов. Щорса, и день окончился совершенно спокойно.

Через некоторое время богунцы, которые утверждали, что чрезвычайные комиссии по борьбе с контр-революцией и спекуляцией необходимы, но иногда совершают ошибки, по соглашению с представителями местной советской власти, ввели своих представителей в президиум Волынской Губ. Ч. К. на все время их пребывания в Житомире.

Таким образом один козырь был выбит из рук петлюровских агентов.

Оставался еще больной вопрос о «тыловых комиссарах». Этот вопрос обострился благодаря одному недоразумению. Губернским комиссаром финансов был тов. Барышников, а самым крупным и алчным суконным фабрикантом в Клинцах был его однофамилец Барышников, с которым у рабочих были большие счеты. И на эту тему стала разыгрываться провокация. «Вот, мол, кто правит нами — сын миллионера-кровопийцы». Но и это

недоразумение вскоре рассеялось. Многие из богунцев знали в лицо и фабриканта, и его сыновей, и легко удалось установить, что старый революционер, имеющий тюремный стаж за подпольную революционную работу, тов. Барышников ничего общего не имеет с клинцовским Кит Китычем.

Затем богунцы присмотрелись к другим «комиссарам», познакомились с их деятельностью, кончилось кратковременное брожение, и богунцы попрежнему стали лучшими воинами в красной украинской армии труда.

IV

Бог богов, царь царей.

И вдруг среди богунцев объявилось чудо.

Появился бессмертный армеец, которого не берет ни пуля, ни снаряд, ни штык.

Когда скептики выражали свое сомнение и старались разными доводами доказать невозможность такого явления или указать, что непристойно революционерам, борющимся против рабства и темноты, итти по стопам мракобесов и попов и затемнять сознание своё и других суевериями и чудесными небылицами, богунцы снисходительно выслушивали и в противовес всем доводам ссылались на очевидцев, которые сами видели это чудо или сами безрезультатно стреляли в этого «бога богов, царя царей», как он себя называл и как его вскоре стали звать все.

Автору этих строк пришлось слышать от десятков богунцев, что они сами в разных местах похода на близком расстоянии стреляли в этого феномена, и пули отскакивали прочь.

Невольно закрадывались разные мысли. В лучшем случае это был маниак, заразивший верой в себя и свою чудодейственную силу своих окружающих (ведь, мы знаем много самых невероятных и разнообразных случаев массового психоза), но это мог быть и ловкий аферист, который имел какую-нибудь затаенную цель приобретать популярность среди богунцев и завладевать их помыслами.

И вот однажды, в середине мая 1919 г., на заборах и витринах Житомира появляется объявление:

Я, Иван Григорьевич Бегунов, прозванный богом богов, царем царей, объявляю, что меня не берет ни штык, ни пуля, ни снаряд. Все граждане, а также товарищи-красноармейцы, желающие в этом удостовериться, должны явиться в воскресенье на площадь возле новой тюрьмы, захватив с собою, кто какое имеет, оружие [1]).

И в это обещанное воскресенье со всех концов города потянулись одиночки и группы к площади-пустырю на окраине города у новой тюрьмы. Туда же потянулись, сколько их было, богунцы со всеми своими винтовками и пулеметами и остальные части гарнизона.

[1]) Цитирую по памяти.

Площадь была густо обложена со всех сторон, а на середине ее на лошади сидел сам «бог богов». По данному сигналу раздался тысячеголосый залп пулеметов и винтовок. Богунцы, уверенные в своем и заранее предвкушая торжество, стреляли добросовестно.

И... как и следовало ожидать, лошадь со своим всадником свалились. Лошадь была изрешетена пулями и была на месте убита, всадник получил 5—6 ран, от которых через несколько дней скончался в больнице.

Понурые, угрюмые расходились богунцы по квартирам. Невесело им было, разбита льстившая им иллюзия, что вот у них, у богунцев, бывают такие вещи, которых нигде больше не встретить.

Впоследствии они стали придумывать менее чудесные объяснения неуязвимости своего расстрелянного героя, стали появляться версии о зеркале, отводящем солнечные лучи, стали обвинять распорядителей в преждевременной подаче сигнала к стрельбе, когда «бог богов» не успел еще подготовиться. Но как бы то ни было, а бессмертный феномен умер, его уж нет...

Не везет чудесам при советской власти!

Вскоре после этого наступили на Украине трудные дни: измена Григорьева, предательство Махно, наступление Деникина, подъем среди галицко-петлюровских частей. Богунцы ушли из Житомира, и туго, очень туго им приходилось.

Но дрались они во всех положениях, как львы, свято веря в свою конечную победу и близкое торжество Советов «вплоть до Португалии».

С. Горелик.

К ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1896 ГОДУ

I

То единодушное и дружное выступление рабочих, которое завершилось грандиозною стачкою на ткацких и бумагопрядильных фабриках Петербурга в 1896 году, не было только одною вспышкою народного негодования и не являлось фактом случайным. Оно было подготовлено предшествовавшими событиями общественной жизни и как бы свидетельствовало о том, что сил одной интеллигенции для борьбы с правительством недостаточно и что правительству приходится считаться с другою, более мощною силою, каковою являются рабочие и их идейные руководители.

Временное затишье на грани девяностых годов прошлого века было всколыхнуто голодом 1891 года, когда перед лицом грозного бедствия объединились все передовые слои русского общества для посильной помощи голодающим. И не из-за одной только филантропии и добросердечия люди шли к голодающему народу; помимо материальной помощи, их толкало на подвиг горячее стремление разузнать истинную причину и размер народного бедствия; по возможности облегчить народные страдания и силою своего труда и энергии воздействовать на правительство и разбудить дремавшие общественные силы для настоящей работы в деле помощи народу, в смысле поднятия его нравственного и умственного уровня. Л. Н. Толстой в своей статье «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», отмечая разобщенность среди людей и предоставление простого народа, находящегося без земли или с малою землею и без заработка, самому себе, говорит: «Если б хоть сотая доля живого братского сознания необходимости расхода, труда и забот для братьев-голодающих; единения во имя Бога любви—было во всех людях, как легко и радостно перенесли бы мы этот голод да и всевозможные материальные беды» [1]).

Та же мысль довольно ярко проводится и в появившемся в марте 1892 года [2]) «Первом письме к голодающим крестьянам»: «тяжелая беда навалилась теперь на Россию: все крестьянское хозяйство рушится, и крестьянину ничего не остается делать, как итти в батраки к помещику или купцу». «От кого же ждать народу помощи и заступы?» задает вопрос автор этого письма—литератор Астырев [1]) и отвечает на него так: «Русскому народу надеяться не на кого, кроме как на свою силу могучую... Народ разорился потому, что земли у него было мало, подати брались с него большие, а в случае нужды он ниоткуда помощи не получал. Правительство помогало богатым помещикам, купцам и фабрикантам, и рабочий народ управлялся со своею бедою, как умел». Правдивость этих слов подтвердилась общенародным рабочим движением в холерный 1892 год, когда народ, измученный голодом предшествующего года, бросившись в поисках заработка по разным местам России, вместо забот о себе, встретил «новое» невиданное бедствие, в виде холеры, и «старые» средства расправы—военную силу и розгу [2]). Что ему оставалось делать, как не бунтовать?!

Общие нестроения описываемого времени и вызванные ими раздражения нашли себе отклик и среди фабрично-заводского рабочего мира, всегда чутко стоявшего на страже народных интересов.

С 1892 года, под влиянием роста общего недовольства тяжелым гнётом правительственного и капиталистического режима в царствование Александра III, создается революционное настроение, и устанавливается связь различных кружков с рабочими, которые словесною пропагандою и распространением среди них революционной литературы постепенно подготовляются к массовым и дружным выступлениям. Пропаганда эта находит себе вполне подходящую почву в рабочей среде, испытавшей на самой себе и гнёт обще-политических условий жизни и полную зависимость от капиталистов.

Все передовые элементы страны, и интеллигенция, и рабочие, заняты были одною мыслью—облегчить всеми мерами невыносимые условия жизни того времени.

О таковом настроении как интеллигентного, так и рабочего мира можно почерпнуть сведения из «Манифеста партии народного права от 19 февраля 1894 года», в котором дается яркая характеристика царствования Александра III, приведшего к «общественной деморализации и экономическому упадку страны», и указывается на необходимость «противопоставить сорганизованную силу общественного мнения правительственной косности и узко-династическим интересам самодержавия». А в дальнейших строках Манифеста уже указываются средства борьбы с правительством: «партия ставит своей задачей объединение всех оппозиционных элементов страны и организацию такой активной силы, которая всеми доступными ей моральными и материальными средствами добилась бы освобождения от современного политического гнёта самодержавия и обеспечила бы за всеми права человека и гражданина» [3]).

[1]) Сборник «Помощь голодающим», 1892 года.
[2]) Дело Арх. Д-та Пол., 1892 г., 4 дел., № 89, т. I.

[1]) Обзор важнейш. дознаний о госуд. преступл. за 1894 год.
[2]) См. «Холерный бунт», Архив истории труда, 3-я книга.
[3]) Обзор важн. дознаний за 1894 г.

Правда, здесь не выделяется в особую группу рабочий класс, но, без сомнения, «как оппозиционный элемент», он занимает одно из видных мест в создании «активной силы» для борьбы с самодержавием.

20 октября 1894 года дало некоторые надежды на лучшее будущее. Подводились итоги прошлого царствования, и уповали на новое. В одном из писем Л. Н. Толстой так выразился «о прошлом»: «Говорят, что по общему мнению, Государя (умершего Александра III) жалко, что он был прекрасный царь и что царствование его было прекрасное, полезное. Царствование было очень плохое, и тем более Его жаль» [1]). Но надежды были призрачны и кратковременны. «По случаю восшествия на престол императора Николая II был подан ряд адресов. Девять земств в своих обращениях к государю просили о допущении народа к участию в законодательных работах» [2]). 17 января 1895 года положило конец такого рода надеждам. Николай II назвал все подобного рода заявления «бессмысленными мечтаниями». В ответ явилось нелегальное «открытое письмо Николаю II» (от 19 января 1895 года), в котором излагалось: «Вы сказали свое слово, и оно разнесется по всей России, по всему культурному миру. До сих пор Вы были никому неизвестны; со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет больше места «бессмысленным мечтаниям»... «Русская общественная мысль напряженно и мучительно работает над разрешением коренных вопросов народного быта, еще не сложившегося в определенные формы со времени великой освободительной эпохи и, недавно, в голодные годы пережившего тяжелое положение. И вот, в такое время представители общества, собравшиеся со всех концов России и ожидавшие от Вас ободрения и помощи, услышали лишь новое напоминание о Вашем всесилии—и вынесли впечатление полного отчуждения царя с народом... Всю мирно стремящуюся вперед часть общества Вы—оттолкнули... Те деятельные силы, которые неспособны довольствоваться полной сделок и уступок трудной и медленной борьбой на почве существующего порядка—куда пойдут они? После Вашего резкого ответа, чем, какими доводами удержит оно на законном пути и охранит от гибели самых чутких и даровитых, неудержимо рвущихся вперед, своих детей... Ваша речь у одних вызвала чувство обиды и удрученности, от которого, однако, жалкие общественные силы быстро оправляются и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других она обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами. Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать» [3]).

Последние слова сбылись. Зимою 1894, а особенно 1895 года, рабочие отдельных петербургских фабрик и заводов учинили «беспорядки» на Семянниковском заводе и на бумагопрядильне Воронина, а также стачки «в порту» (портовых рабочих) [4]). Волнения происходили в Москве, Нижнем-

[1]) Арх. Д-та Пол., 1896 г., 3 дел. № 1594 «О графине Татьяне Львовне Толстой».
[2]) *В. Голубев.* «Роль Земства в общественном движении». (1905 г.).
[3]) Арх. Д-та Пол., 1894 г., 3 дел. № 22, л. А., ч. 26.
[4]) *Поссе.* «Рабочие Стачки» (1906 г.).

Новгороде и других промышленных центрах. В них сказались и получили свое выражение накопившиеся постепенно недовольства и своим экономическим положением, и обще-политическими условиями жизни.

О требовании рабочих, о их положении на фабриках в указанное время и их ближайших задачах и целях мы узнаём из прокламации, обнаруженной при обыске чинами московского губ. жандармского управления 10 июня 1895 года в селе Большие-Мытищи у братьев Масленниковых (воспитанников московского технического училища). «Наше положение, говорится в ней, с каждым годом всё ухудшается и ухудшается. Надеясь увеличить свои заработки, мы удлиняем рабочее время, работая ночи и праздники. Но что же из этого выходит? Улучшается ли наше положение? Там, где прежде работало 150 человек при усиленной работе, хозяин обходится сотнею, остальные 50, лишенные работы, ходят с фабрики на фабрику и, волей-неволей вынужденные соглашаться работать за самую низкую плату, понижают и наши заработки. Если кто из нас заикнется о низкой плате, то хозяин в ответ на это указывает на безработных, дескать, не желаешь—на твое место десятки у ворот. Что же нам делать, как нам бороться? Мы видим, что в одиночку ничего не поделаешь. Еще можно, пожалуй, вести борьбу целыми фабриками и заводами, но и это крайне трудно и редко кончается успехом. Только, когда рабочие всех фабрик и заводов соединятся вместе, возьмутся сообща за свое рабочее дело, только тогда можно быть уверенным в успехе. Поэтому рабочие, понявшие необходимость бороться сообща, соединились в «Рабочий Союз» и приглашают рабочих всех фабрик и заводов присоединиться к ним для общей борьбы за общее рабочее дело... Будем бороться до тех пор, пока не свергнем ига капиталистов, пока вся земля, все фабрики и заводы не сделаются общественной собственностью» [1]).

II

Весна 1896 года была ознаменована двумя событиями, очень обеспокоившими правительство. В Москве—ходынскою катастрофою; в Петербурге—массовою длительною стачкою рабочих. И то, и другое события, правда, в основе своей имевшие разные причины, указывали на ненормальный порядок русской тогдашней жизни, на страшную разобщенность классов, бюрократизацию управления и отдаленность такового от истинных народных интересов. В появившейся по поводу ходынской катастрофы прокламации говорилось: «Народ с полною доверчивостью идет на царский праздник, думает, начальство всё устроит по-хорошему, а, вместо того, тысячами, по милости того же начальства, давят народ... будет же спать народу—пора встряхнуться, пора добиться, чтобы народом управляли им же выбранные...» [2]).

[1]) Обзор за 1895—1896 г.
[2]) Арх. Д-та Пол., 3 дел., 14 ч. 21—1896 г. «Ходынская бойня».

В Петербурге брожение между рабочими некоторых петербургских фабрик началось 23 мая 1896 года и в последующие дни перешло в ряд забастовок, быстро следовавших одна за другой и распространившихся на значительную часть столичного бумагопрядильного фабричного района. Первыми забастовали 24 мая прядильщики Российской мануфактуры, а вслед за ними, с 27 мая по 5 июня, рабочие других 17 бумагопрядильных и ниточных фабрик, в числе до 30—35 тысяч человек. Ближайшим поводом к стачке послужила неуплата заработной платы за дни коронации, когда фабрики стояли. Но это был только скромный повод, толкнувший рабочих начать борьбу за сокращение рабочего дня и представить другие требования.

Обстановка, при которой возникали эти стачки, быстрота распространения самого движения, единство требований, представленных рабочими различных фабрик, одна система развития каждой стачки, «которую начинали подручные мальчики и прядильщики, а, затем, забастовкою оправдывали свой отказ от работы прочие рабочие», наконец, необычное в подобных случаях внешнее спокойствие масс — все это указывало, что стачки возникли на почве, подготовленной предшествовавшею пропагандою, и поддерживались новым кружком лиц, «которые, пользуясь возникшими на отдельных фабриках неудовольствиями рабочих, формулировали назревшие в рабочей среде требования и, путем воззваний, способствовали передаче брожения с одной фабрики на другую и последовательному присоединению рабочих к общей стачке» [1]).

Среди рабочих в это время распространялись воззвания от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 30 мая было выпущено воззвание «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких». В нем таким образом формулированы требования стачечников:

1. Продолжение рабочего дня от 7 час. утра до 7 час. вечера вместо теперешних от 6 час. утра до 8 вечера.

2. Обеденный перерыв на полтора часа, так чтобы весь рабочий день продолжался $10^1/_2$ часов вместо 13.

3. Повышение расценков для того, чтобы заработки в зависимости от сокращения рабочих часов не уменьшались бы.

4. Прекращение работ по субботам в 2 часа.

5. Запрещение хозяевам самовольно останавливать машины и пускать их в ход раньше времени.

6. Правильная выдача, без опоздания, заработков.

7. Выплата сполна за коронационные дни.

Во всех других прокламациях: 1 июня — «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен», 3 июня — «Ко всем петербургским рабочим», 4-го — «К рабочим бумагопрядильни Кенига» и т. д. рабочие приглашались к устройству или продолжению стачек, формулировались требования об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня до $10^1/_2$ и 8 часов,

[1]) Обзор за 1895—1896 г.г.

при этом рабочим рекомендовалось действовать дружно, без буйства-насилия, и им обещалась поддержка рабочих других производств и материальная помощь со стороны заграничных рабочих.

Воззвания распространялись и по возобновлении работ, в течение всего июня и июля, а в ночь на 6 августа, в общежитии рабочих фабрики Губбордта и К° и в прилегающем к этому зданию саду, были найдены разбросанными 50 экземпляров воззвания «к рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик», помеченного «6 Августа» [1]). В этом воззвании, выпущенном по поводу объявления министра финансов и вообще принятых правительством мер для прекращения волнений на фабриках, рабочие призывались не верить «фабрикантам, инспекторам, полицейским, жандармам, в один голос уверяющим, что положение рабочих улучшается и еще улучшилось», а надеяться только на самих себя и «требовать от хозяев и правительства не обманчивых речей, а действительного улучшения положения рабочих». В прокламации сделаны ссылки и указаны примеры «обманчивой политики капиталистов и правительства». «Фабриканты, пользуясь спросом на пряжу и суровье, несмотря на понижение цены хлопка, держат цены высоко и получают лишних против прежнего 60—80 копеек в день с каждого рабочего... Не грех бы и рабочему уделить частичку неожиданной прибыли. Нет! Они предпочитают опустить всё в свои собственные карманы... Они загребают огромные барыши, а мы? Попрежнему — мы надрываемся над работой 13—14 часов в день, попрежнему получаем ничтожное вознаграждение, попрежнему ведем полуголодную жизнь... Изнурение, болезни, преждевременная смерть—вот наши барыши... Что же нам делать?.. Никто не вспомнит о нас, если мы сами не вспомним о себе, никто не поможет нам, если мы сами не возьмем в свои руки святое рабочее дело... Будем смело итти вперед по нашему тяжелому, по славному пути, рука об руку с рабочими всех стран».

Эта последняя прокламация, хотя выпущенная уже по прекращении майской стачки, дает как бы схематический очерк и положения рабочих на фабриках в описываемый период, и их отношения к хозяевам и правительству и, главное, их настроения и впредь, несмотря на ликвидацию майской стачки, дружно держаться и солидарно добиваться завоевания своих прав.

Хотя майская стачка и не могла продержаться более двух недель, «в силу того, что рабочие, действуя хотя и дружно и сообща, еще не были организованы, как следует, и не имели постоянной организованной помощи» [2]), но она представляет знаменательное явление рабочего движения в Петербурге. Ее создали не злонамеренные агитаторы, что признало даже правительство в своем официальном сообщении, но она «выросла из самой жизни, возникла и в значительной степени развивалась стихийно. Стачке придавалось огромное значение, некоторые горячие головы готовы были видеть в ней начало русской революции» [3]).

[1]) Арх. Д-та Пол., 3 дел., № 580, т. 3, 1896 г.

[2]) «Устав Центральной Союзной Кассы», 1897 (дело № 580, т. 3).

[3]) «Первые шаги». «Былое», сент. 1907 г.

Почему же летняя стачка 1896 года является «крупным этапом» рабочего движения в Петербурге?

Ответ на это, кроме вышеприведенных строк, мы получаем из прокламации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» «Царскому Правительству», ноябрь 1896 года.

«Правительство вынуждено открыто говорить о том, что рабочие ведут борьбу с фабрикантами. Чем вызвана такая перемена? В 1895 году было особенно много рабочих стачек. Нынешние стачки были гораздо сильнее предыдущих и сосредоточены в одном месте. Но и прежде бывали не менее сильные стачки, напр., в 1885—6 годах в московской и владимирской губерниях. Но правительство все-таки еще крепилось и не заговаривало о борьбе рабочих с фабрикантами. Отчего же в этот раз оно заговорило? Оттого, что на этот раз на помощь рабочим пришли социалисты, которые помогли рабочим разъяснить дело, огласить его повсюду, и среди рабочих, и в обществе изложить точно требования рабочих, показать всю недобросовестность и дикие насилия правительства».

«Стачки 1895—6 годов не прошли даром,—говорится в той же прокламации.—Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса» [1].

Итак, от первоначального и безобидного повода стачки — «заплатить сполна за коронационные дни»—рабочие перешли к экономическим требованиям, насущно затрагивающим их интересы, а затем, «благодаря страстному отношению к стачке властей, сказавшемуся в выступлениях градоначальника Клейгельса и министра финансов Витте, в многочисленных арестах рабочих», выставили уже требования политического свойства.

Об огромном значении этой стачки можно судить и потому, что она произвела должное впечатление и в заграничных кругах.

Так в газете «Times» от 21 апреля 1897 года, после сделанного краткого обзора рабочего движения на петербургских бумаго-прядильных фабриках в 1896—1897 годах, говорится: «нет никакого сомнения в том, что начинается правильно организованное рабочее движение» [2].

В другой газете «Dresdner Anzeiger» от 19 октября 1896 года написано: «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса» поддерживает рабочее движение. В сентябре месяце с. г. явились две новые прокламации, из которых одна адресована к рабочим петербургских заводов. Автор сомневается в улучшении положения рабочих со стороны правительства и требует продолжения борьбы. Между прочим, там пишется: наш союз, существующий теперь уже второй год, в прошлом году много выиграл, мы теперь лучше знаем наши взаимные интересы и задачи и знаем, что для нас необходимо домогаться права стачек и публичных собраний для обслуживания наших дел. Вторая прокламация обращена к представителям русского общества с просьбою о пожертвовании денег на нужды рабочих. Судя по этой прокламации, правительством арестовано около 1000 человек. Говорят, что правительство хочет установить 11-часовой рабочий день, но дело, кажется, не спешит, и Государственный Совет в этом году, вероятно, не займется этим вопросом. Таким образом в будущем году не обойдется без стачек ни в Петербурге, ни в других больших фабричных городах Российской Империи» [1].

[1]) Арх. Д-та Пол., 3 дел., № 580, т. 3, 1896 г.
[2]) Арх. Д-та Пол., 3 дел., № 606, ч. I, л. А, 1896 года.

III

За две стачечные недели, в мае 1896 года, петербургские рабочие сделали огромный шаг вперед в своей солидарности и сознании классовых интересов. И если стачечники приостановили свою борьбу, то вынуждены были на то не угрозами властей и хозяев, а заставил это их сделать «голод».

«Эта стачка,—говорится в воззвании «Союза борьбы» от организации Центральной Союзной Рабочей кассы,—показала русским рабочим необходимость иметь свою собственную кассу, из которой во время нужды они могли бы получить поддержку».

И вот создается Центральная Касса, главная цель которой — способствовать объединению русских рабочих в один союз для борьбы с хозяевами-капиталистами и с защитником их интересов—правительством [2]).

Не одною, конечно, материальною стороною исчерпывается цель Кассы: она служит звеном, скрепляющим солидарные интересы рабочих в их борьбе. И начавшееся в 1896 году дружное рабочее движение постепенно ширилось—рабочие, с большим самоотвержением и настойчивостью, отстаивали право на свое лучшее существование. Но и сама по себе стачка 1896 года не осталась безрезультатна и не должна изгладиться из памяти рабочих. Она сделала то, что правительство, туго поддававшееся на уступки, переменило свою политику. 2 июня 1897 года был опубликован закон, ограничивший рабочий день одиннадцатью с половиною часами, и, таким образом, сделана уступка рабочим требованиям. Но само собою разумеется, что закон этот не только не остановил стачек, но местами сам послужил поводом для широкого стачечного движения. Рабочие не могли ограничиться полумерами; они добивались улучшения не только своей жизни, но и вообще народной, а потому упорно стачками, забастовками и восстаниями отвоевывали шаг за шагом как блага экономические, так и права политические.

И только по мнению правительства, «русские рабочие, подобно своим западно-европейским собратиям, неудержимо стремились в «бездну» восьмичасовой нормы, первого мая и многого другого» [3]).

Было ли это «бездной» и для кого она оказалась таковою, на это дает ответ история последующего времени.

В. Колпенский.

[1]) Арх. Д-та Пол., 3 дел., № 580, т. 3, 1896 г.
[2]) Арх. Д-та Пол., № 580, т. 3, 1896 г.
[3]) *Носс.* «Рабочие стачки», 1906 г.

РАБОЧИЙ СБОРНИК.

Конец восьмидесятых и начало девяностых годов в истории русского революционного движения характеризуется переходом от старой революционной идеологии к новым взглядам, создававшимся под двойным влиянием — могучей теоретической струи научного социализма, пробивавшейся с Запада, прежде всего в сочинениях Плеханова, и развивающегося рабочего движения в самой России. В 1883 году было положено основание «Группе Освобождения Труда». Еще за год до этого вышел перевод коммунистического манифеста, в 1883 году Плеханов выпустил в свет книгу «Социализм и политическая борьба», в следующем году вышли «Развитие научного социализма» Энгельса в переводе В. Засулич, «Наши разногласия» Плеханова, его же «Программа соц.-демокр. группы «Освобождение Труда»; в 1885 году Дикштейн «Кто чем живет? и Маркс» «Речь о свободе торговли» и в 1886 году в переводе В. Засулич «Нищета философии» Маркса, в 1887 году «Фр. Лассаль, его жизнь и деятельность» Плеханова, «Ответ на анкету № 1» «Самоуправления» П. Аксельрода, В. Засулич и Г. Плеханова, в 1888 году первый номер плехановского «Социал-демократа». Затем эта литературная пропаганда идей научного социализма ширится и постепенно начинает связываться с рабочим движением в России. А это последнее, действительно, приобретает и новые формы и небывалый дотоле размах и организованность. В 1885 году происходит Морозовская стачка, показавшая даже людям, сознательно закрывавшим глаза на действительность, насколько развилось рабочее движение в России и как оно независимо от желаний тех или других революционных групп ставит свои собственные задачи, далеко не похожие на то, что рисовалось идеологии народников, и как для осуществления этих своих новых задач оно выдвигает из своей собственной среды и своих новых вождей и организаторов. Забастовкой в Орехове-Зуеве руководил рабочий Мосеенок, живший на фабрике Морозова под фамилией Щербакова или Петра Онисимова; это был ткач, сосланный в Сибирь в 1878 году за стачку на Новой Бумагопрядильне, прошедший революционную школу под руководством Степана Халтурина. Логика жизни толкала таких людей, как Мосеенок, на непосредственную борьбу с капиталистами, несмотря на то, что и теперь еще раздавалась народовольческая проповедь, когда-то так сильно действовавшая даже на таких выдающихся рабочих, как

Халтурин. Рабочие, выросшие среди народовольцев, воспитанные ими теперь по мере развития рабочего движения с головой, бросались в него и целиком отдавались делу организации рабочего класса. Действительно теперь мы можем с полной уверенностью сказать, что на заре рабочего движения, при возникновении социал-демократии, организаторами первых рабочих кружков, превратившихся впоследствии в настоящие социал-демократические организации, являлись рабочие народовольцы. Так тов. Ольминский в своих воспоминаниях рассказывает, что в начале девяностых годов (в 1890 или в 1891 году) он получил два кружка для занятий пропагандой среди рабочих, один от рабочей организации при Союзе Молодежи партии «Народной Воли» и другой от Благоевской соц.-демократической группы. Но и во главе второго кружка стоял рабочий Арсений Матвеевич Колодонов, прошедший народническую школу и распропагандированный наборщиком Жарковым, убитым впоследствии за предательство (он выдал типографию «Черного Передела») [1]. О такой же связи первоначальных соц.-демократических кружков с рабочими народовольцами рассказывает и Н. Д. Богданов. Учителем самого Богданова был народоволец. «Один из последних могикан «Народной Воли», говорит Богданов: «обратил внимание и на меня, 15-летнего мальчика, любившего книгу» [2]. То же самое подтверждают и другие деятели восьмидесятых и девяностых годов — Норинский, Шелгунов. Это явление—преемственность революционного движения, персональная связь новых рабочих соц.-демократических организаций со старыми народовольческими рабочими кружками установлена и в других городах. Кружок Ю. Д. Мельникова в Харькове так и назывался сначала социально революционным кружком и являлся остатком от кружков, организованных народовольцами Бражниковым, Уфляндом, Ратиным, Мейснером еще в 1884 г.[3] Такого же характера (были первоначальные соц.-демократические рабочие кружки и в Ростове на-Дону да и во многих других городах, например в Одессе, Киеве. И не только рабочие, но и интеллигенты, впоследствии видные соц.-демократы, прошли подобно Плеханову, народовольческую школу. Об этом говорит в своих воспоминаниях и тов. Ольминский и тов. Лепешинский [4]). В этот переходный период от народовольчества к марксизму и в недрах самой революционной массы, в рабочих кружках царила сначала какая-то смесь двух направлений и влияний—народовольческого и марксистского. «Осенью 1888 года, говорит Н. Д. Богданов: «я перешел в последний класс вечернего технического училища, где встретился со второгодниками, среди которых были также руководители кружков, подобных нашему, которые также зародились из остатков «Народной Воли». К этому времени эти кружки уже завязали связи со студенчеством, находящимся под влиянием группы «Освобождения Труда» [5]). Тов. Ольминский выражается еще определеннее по этому поводу [1]). «Насколько помню, в этой пропаганде Благоева и его кружка мы не видели особого принципиального греха; поэтому все время шел разговор о слиянии благоевского и народовольческого кружков, ведущих занятия с рабочими, так как в этой «специальной» области между нами, дескать, нет разногласий. Благоевцы от переговоров не отказывались, но от слияния уклонялись. В работе обособление не было строго проведено». Однако благоевцы не напрасно уклонялись от слияния, ибо разногласия на деле были и настолько глубокие, что, в конце концов, уже к середине девяностых годов это обособление произошло решительно и бесповоротно. Уже начиная с 1890—91 года спорные пункты двух програм народовольческой и соц.-демократической подвергались детальному обсуждению все больше и чаще, и, нужно здесь это подчеркнуть, рабочие часто совершенно самостоятельно ставили вопрос о решительном размежевании двух революционных течений. Устраивались частенько собрания, где перед рабочими выступали представители «Народной Воли» и социал-демократии, и рабочие, выслушавши аргументы тех и других, решали, куда и за кем им итти. Все свидетели единогласно сходятся в том, что уже, начиная с 1890 — 91 года, симпатии рабочих решительно склоняются на сторону соц.-демократов: народовольческие, полународовольческие и кружки неопределенного направления превращаются в социал-демократические. В. А. Шелгунов так, напр., определяет результат одного из таких дискуссионных собраний: «На собрании выяснилось, что почти все рабочие, за исключением Хотябина и Кузюткина, были с.-д.». То же самое констатирует и К. Норинский, говоря: «И вот тут опять лишний раз подтвердилось течение против народовольчества» [2]).

[1]) «От группы Благоева к «Союзу борьбы». Стр. 70. Ольминский. «Давние связи».

[2]) Ibid., стр. 39.

[3]) Ibid., стр. 99. Невский. Харьковское дело Ювеналия Мельникова и других.

[4]) П. Лепешинский. «На повороте».

[5]) От группы Благоева к «Союзу Борьбы». Стр. 40.

В протоколах дознаний по делу этих народовольческих и социал-демократических кружков также имеются указания на то, как рабочие решительно отгораживались от народовольцев. Так в протоколе допроса от 28 июля 1894 года Матвей Августович Фишер заявляет, что он может «признать себя в том виновным, что своевременно не заявил начальству о сношениях своих с лицами, принадлежащими к преступной народовольческой партии, стремящейся к ниспровержению государственного строя в России» [3]). Вместе с тем он, разъясняя интересовавшее жандармов место

[1]) Там же, стр. 69.

[2]) Там же стр. 18 и 56.

[3]) Истор.-револ. арх., 4 делопр., № 86, т. 3—1894 г. «О тайном сообществе, именующемся партией «Народного права». Читатель не должен удивляться весьма рискованной, чтобы не сказать больше, форме слов Фишера: дело в том, что, во-первых, почти все рабочие по этому делу говорили довольно откровенно. Так, напр., даже Егор Афанасьев в протоколе от 22 декабря 1894 г. нашел возможным написать: «Давая настоящее показание, я хочу принесть чистосердечное раскаяние в прежней принадлежности моей к преступной партии «Народовольцев» и даю торжественное обещание навсегда покончить с этим делом». Во-вторых, некоторые рабочие старались представить дело так, что их вовлек в «преступные» кружки Григорий Штрипон, оказавшийся провокатором, служившим в охранном отделении. Егор Афанасьев так прямо и говорит: «Совративший меня с истинного пути был Григорий Иванов Штрипон», а Наталья Григорьева определенно указывает, что этот Штрипон подобно Кузюткину «служит сыщиком в Охранном отделении». (См. 4 делопр., д. № 86, т. 3—1894 г.).

своего письма к Богданову, говорит: «Я категорически отрицаю... будто бы я послал к Желабину рабочего с поручением написать тому же Богданову письмо со включением фразы: «со староверами у нас все кончено, хотя я и могу по этому поводу объяснить лишь значение данной фразы, которая в действительности означает, что с народовольцами у нас все кончено. Желабин мне однажды говорил, что он написал Богданову письмо, в котором сообщал о прекращении сношений со староверами, на заданный же вопрос ему, что он разумеет под «староверами», он ответил, что подразумевает народовольцев...» [1]).

Таким образом, под влиянием развивающегося рабочего движения и тех связей с соц.-демократами интеллигентами, сначала Благоевской группы а затем и Брусневской (Бруснев, Цивинский, бр. Красины) и, наконец возникшего «Союза борьбы» (Ленин, Радченко, Старков, Мартов, Кржижановский) обособление соц.-демократических рабочих кружков от «староверов», т.-е. от народовольцев, произошло. Было бы, однако, неправильным представлять себе дело так, что это обособление происходило исключительно в одном направлении, именно, что рабочие под влиянием фактов развивающегося движения и под воздействием марксистской проповеди уходили от народовольцев; происходил одновременно и другой процесс, — часть народовольцев сама изменялась под влиянием тех же факторов и эволюционировала от народовольчества к марксизму, в большинстве случаев вначале незаметно для самих себя. Очень хорошо эта сторона процесса разъяснена в статьях и воспоминаниях т. Ольминского (Михаила Степановича Александрова). М. С. Александров начал свою революционную деятельность еще в первой половине 80-х годов в Воронеже, будучи гимназистом (1881—1883 г.г.). На-ряду с самообразованием он завязал знакомство с рабочими железнодорожных мастерских и с ростовскими рабочими, среди которых и занимался пропагандой. В 1883 году, поступив в Петербургский университет, он теснее связался с группой народовольцев-ростовцев, а затем через казаков-народовольцев вошел в связь и с Благоевской группой, занимаясь пропагандой одновременно в двух кружках—благоевском и народовольческом. В декабре 1885 года т. Ольминский был арестован и снова попал в Петербург только осенью 1890 года. Старые связи с рабочими быстро возобновились, были приобретены новые. В то же время создалась и народовольческая организация «Группа Народовольцев». Но как это ни странно, один из главных деятелей этой группы т. Ольминский имел самые тесные связи уже с чисто соц.-демократической группой Бруснева. Эта связь была настолько тесна, что т. Ольминский не только занимался пропагандой среди рабочих, но и входил в центральный рабочий руководящий кружок соц.-демократической организации в качестве представителя интеллигента. «В 1891 году, говорит т. Ольминский: Бруснев окончил курс и, уезжая из Петербурга, — странное дело! — ввел в центральный кружок меня, народовольца, как представителя от интеллигенции. До сих пор не знаю, чем объяснить это: то ли

[1]) Там-же.

«все господа разъехались на дачу», — то ли он заметил то, чего я сам не замечал еще, — мою принципиальную близость к социал-демократии. Я «представительствовал» несколько месяцев, оставаясь в стороне от социал-демократической интеллигенции и вообще не будучи членом какой бы то ни было организации» [1]).

Все факты говорят за то, что т. Ольминский, как и кое-кто еще из народовольцев, в пылу революционной работы просто не имели времени подумать о том большом сдвиге, какой произошел в их миросозерцании. Это обстоятельство особенно наглядно явствует из того документа, который мы печатаем на страницах нашего журнала. История появления на свет «Рабочего Сборника» такова. «Народовольческая рабочая подгруппа решила для первого опыта издать гектографированный «Рабочий Сборник», имея в виду перейти затем к изданию печатной газеты «Голос рабочих». Мне было поручено написать вступительную статью для сборника.

В это время шли у рабочей группы (а м. б. и у группы, точно не помню) переговоры с медицинским кружком о совместном издательстве. Мой проект вступительной статьи встретил резкий протест со стороны медиков. Отрицательный отзыв был формулирован двумя словами:

— Это — плехановщина!

Чтобы не потерять медиков, пришлось всюду, где говорилось об интересах рабочих и их задачах, вставить слова «и крестьян», кое-что было сглажено, и медики удовлетворились».

«Рабочий Сборник», перепечатываемый нами, находится в библиотеке Академии Наук. Он представляет тетрадку в четвертую долю листа страниц; воспроизведен на гектографе. Выпущен в свет 1-го апреля 1894 года. В каком количестве экземпляров издан, указаний нет. Первой статьей, в том экземпляре, который мы воспроизводим, является некролог С. Я. Фойницкого, народовольца, умершего от чахотки 23 января 1894 г. в Минусинске. Повидимому это и есть тот самый некролог, о котором говорит т. Ольминский, вероятно по ошибке называя эту статью некрологом Ф. Энгельса, написанным Н. Зотовым. Передовая статья, от которой несет «плехановщиной», написана т. Ольминским, и в ней ярко отразился тот переходный период, когда народовольцы, на деле ставшие соц.-демократами, считали по-прежнему себя «староверами». Действительно в статье живо чувствуется, как точно цензорская рука вставляла в некоторые места слова «и крестьян». «Новые сеятели, говорится, напр., в этой статье: увлекают все больше народу, и теперь среди крестьян и рабочих уже не мало людей, сердце которых горячо бьется при звуке боевого клича социализма: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Трудно верится в возможность понимания этого боевого клича «и крестьянами» в то время, когда на применимость и уместность этого лозунга в России вообще смотрели с очень большим скептицизмом даже интеллигенты-народовольцы. Вторая статья, при-

[1]) «Былое». 1906 г., № 11. «Группа Народовольцев», стр. 8. См. также «От группы Благоева» к «Союзу Борьбы», стр. 73.

надлежащая перу т. Ольминского, называется «Стачка на ткацкой мануфактуре Воронина». Принадлежность этой статьи т. Ольминскому несомненна. В протоколе допроса упомянутого выше Штрипона от 30 ноября 1894 года имеются такие слова: «...Петра Петровича (тогдашняя нелегальная кличка т. Ольминского) я застал за составлением от лица рабочих их требований к фабриканту Воронину, причем окружавшие его пять - шесть человек рабочих, когда Петр Петрович прочитал им написанное, указывали, какие по их мнению следует поправить места. Впоследствии написанное Петром Петровичем, при выше изложенных обстоятельствах, заявление я читал в «Рабочем Сборнике», издания народовольцев, вышедшем 1-го апреля 1894 года, и заявление это есть то самое, которое находится на 19-ой странице предъявляемого мне Вами экземпляра означенного сборника» [1]). Если считать, что некролог Фойницкого написан Н. Зотовым, две статьи принадлежат т. Ольминскому, одна статья переводная (из книги Лафарга), то остается еще пять статей, принадлежность которых кому-либо из «Группы Народовольцев установить не удалось. Это статьи: «Русское Правительство о русских рабочих», «Внутреннее обозрение», «Хроника фабрично-заводской жизни» и «Книжный листок». Семь статей из девяти целиком посвящены рабочему движению, и уже одно это показывает, насколько далеко зашла эволюция лучших из народовольцев тех времен в сторону соц.-демократии. Это сборник, вышедший под знаменем «Народной Воли», на деле же его нужно отнести к литературе рабочей, правда, не соц.-демократической, но и не народовольческой. Это один из памятников агитационной рабочей литературы переходного периода. Любопытней всего то, что в то время как товарищи Ольминского по группе—народовольцы обвиняли его в плехановщине, соц.-демократы считали факт выпуска сборника демагогической попыткой «подделаться под соц.-демократов». Таким образом, ни та группа, дни которой были сочтены, ни та, перед которой раскрывались блестящие перспективы, не могли понять всей важности для развития рабочего движения выпуска в свет такого произведения, как «Рабочий Сборник», тем более, что он написан простым, ясным и доступным языком. Но зато рабочие читали его очень усердно[2]).

В. Невский.

---

[1]) Истор.-рев. арх., 4-е дел., д. № 86, т. 5-ый—1894 г.

[2]) В 1895 г. вышло 2-ое изд. (гектограф., в 4°, 45 стр.). В нем отсутствует некролог о С. Я. Фойницком и «хроника арестов и пожертвования». В статье Лафарга имеется глава о «причинах того, почему революции 1830, 48 и 70 г.г. не облегчили положения народа», отсутствующая в 1 изд. Во всем остальном оба издания «Рабочего Сборника»—тождественны.

Приложение.

РАБОЧІЙ СБОРНИКЪ

1-е апрѣля 1894 года

Изданіе Народовольцевъ

С. Я. ФОЙНИЦКІЙ (некрологъ)

23 января въ Минусинскѣ умеръ отъ чахотки С. Я. Фойницкій.

Недолго пришлось ему прожить—онъ умеръ 29—30 лѣтъ, недолго пришлось и поработать на пользу революціоннаго дѣла, которому онъ всей душой былъ преданъ.

Революціонная дѣятельность его началась въ 87 г., когда въ Петербургѣ возникъ террористическій кружокъ, однимъ изъ руководителей котораго онъ былъ,—а закончилась въ 91 г.: преданный тѣмъ самымъ Ландевепомъ, который предалъ и парижскихъ террористовъ, С. Я. былъ арестованъ. Дѣло было довершено предательствомъ Истоминой: послѣ двухлѣтняго сидѣнія въ Петропавловской крѣпости, С. Я. былъ сосланъ на 5 лѣтъ въ Минусинскъ, куда онъ уѣхалъ, унося съ собой чахотку, значительно развившуюся въ крѣпости. Время 87—90 г.г. было едва ли не самой глухой порой въ русскомъ революціонномъ движеніи: старыя организаціи исчезли, новыхъ не возникало, реакція дошла до своего апогея; многіе опустили руки. Тѣмъ большая честь и слава тѣмъ, кто, какъ С. Я., и въ эту глухую пору не падали духомъ и, несмотря на все, продолжали революціонное дѣло.

Если вообще тяжело мириться со смертью, то тѣмъ тяжелѣе мириться съ нею тогда, когда она уноситъ в могилу людей, какъ С. Я.,—которые даже еще не успѣли развернуть своихъ крупныхъ силъ.

«Въ потѣ лица твоего будешь добывать хлѣбъ»—говорилъ Богъ Адаму, изгоняя его изъ рая. Божіе предсказаніе первому человѣку сбылось, однако, какъ разъ наоборотъ: не всѣ, имѣющіе хлѣбъ насущный, добываютъ его своимъ потомъ, а съ другой стороны, не всѣ, обливающіеся потомъ, имѣютъ кусокъ насущнаго хлѣба; можно сказать даже больше: кто трудится цѣлый день, тому достается только проливать потъ, не получая хлѣба, а кто ничего не дѣлаетъ, не обливается потомъ, тому какъ разъ и достаются всѣ блага міра. Крестьяне съ ранней весны до поздней осени работаютъ въ полѣ, не разгибая спины, а зимой ищутъ заработковъ на сторонѣ,—и живутъ въ тѣснотѣ, не всегда имѣя на пищу кусокъ хлѣба. А рядомъ стоятъ хоромы помѣщика или купца, для которыхъ жизнь почти что одинъ сплошной праздникъ. Рабочіе на фабрикахъ и заводахъ до свѣту

подумаетъ, еще разную пользу найдетъ. Кто же пользы не видитъ, тому газета не мѣшаетъ: пусть не читаетъ.

Очень трудно начать это дѣло—издавать тайную газету. Денегъ на это много нужно, а собирать ихъ приходится по мелочамъ, потихоньку. Всякія извѣстія и статьи тоже не легко собирать, потому что нельзя всѣмъ объявить адресъ, чтобы присылали статьи по почтѣ. Но все бы это не такъ еще важно, если бы всѣ развитые люди сознавали, какая большая польза была бы отъ газеты. А теперь мы должны сознаться, что еще не имѣемъ возможности завести свою газету. Чтобы какъ-нибудь обойтись, мы сочли нужнымъ издавать пока тетрадки, а въ нихъ писать то, что сообщатъ намъ люди, согласные с нами. Мы будемъ пока больше писать объ интересахъ петербургскихъ рабочихъ, потому что сами больше знаемъ ихъ. Но, если бы намъ прислалъ кто-нибудь сообщеніе о рабочемъ дѣлѣ въ другихъ городахъ, или о том, что дѣлается въ деревнѣ, мы тому будемъ очень благодарны и воспользуемся сообщеніями. Въ то же время мы призываемъ на помощь всѣхъ, кто признаетъ пользу отъ нашего изданія. Чѣмъ больше будетъ помощь, тѣмъ чаще будутъ появляться тетрадки и тѣмъ скорѣе удастся завести настоящую газету. Рабочихъ и крестьянъ, къ кому дойдет наша просьба, мы просимъ сообщать намъ о притѣсненіяхъ хозяевъ и начальства, о бунтахъ, стачкахъ и волненіяхъ, присылать воспоминанія о прошломъ движеніи, о погибшихъ борцахъ за дѣло освобожденія, просимъ обращаться къ товарищамъ съ вопросами о наукѣ и практикѣ, просимъ указывать, о чемъ больше нужно сообщать, чтобъ наше изданіе было интереснѣй, просимъ дѣлиться своими мыслями. Людей изъ интеллигенціи просимъ присылать всякія статьи, которыя могутъ быть интересны для крестьянъ и рабочих, а также о томъ, какъ лучше вести пропаганду, просимъ помогать намъ деньгами, книгами для распространенія среди рабочихъ, помогать личнымъ трудомъ.

Мы надѣемся, что нашъ голосъ не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мы надѣемся, что всѣ честные и развитые люди отзовутся на нашъ призывъ посильной помощью.

Кто хочетъ сообщить намъ о своихъ обидахъ отъ хозяевъ и начальства, или спросить что-нибудь или подать совѣтъ, сказать мнѣніе, оказать помощь,—пусть запишетъ на бумажку и передастъ ее тому, отъ кого получитъ наше изданіе, а тотъ тому, отъ кого самъ получилъ его: такъ бумажка можетъ быть и до насъ дойдетъ, а другого способа для этого нѣтъ.

Русское правительство о русскихъ рабочихъ.

Для всемірной выставки, происходившей въ прошломъ году въ г. Чикаго, въ Америкѣ, русское правительство издало книгу о фабричной и заводской промышленности въ Россіи. Въ этой книгѣ есть глава о заработной платѣ русскаго рабочаго, написанная главнымъ фабричнымъ инспекторомъ Я. М. Михайловскимъ. Мы приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой главы, чтобы показать, къ какой наглой и возмутительной лжи прибѣгаетъ правительство, стараясь скрыть от цивилизованнаго міра истинное положеніе русскаго рабочаго.

«Фабричный рабочій въ Россіи,—пишетъ г. Михайловскій,—въ то же время землевладѣлецъ... Владѣя землей, русскій рабочій можетъ сохранить большую независимость при заключеніи договора съ фабрикантомъ, можетъ,

при этомъ, больше запросить съ него за свой трудъ... При заключеніи съ хозяиномъ фабрики договора, онъ постоянно имѣетъ въ виду возможность, въ случаѣ неудачи переговоровъ, вернуться въ родную деревню, гдѣ онъ все-таки найдетъ себѣ теплый уголъ и кусокъ насущнаго хлеба... Такимъ образомъ, говоря о заработной платѣ русскаго фабричнаго рабочаго, нельзя не принять въ расчетъ и тѣ доходы, которые онъ получаетъ натурой или деньгами, какъ землевладѣлецъ».

Итакъ, господа фабричные и заводскіе рабочіе, вы—«землевладѣльцы». До сихъ поръ вы страннымъ образомъ не знали объ этомъ, и только потому, вѣроятно, воронинскіе ткачи послѣ стачки не укатили въ свои помѣстья, а попали въ кутузку, но теперь, когда господинъ фабричный инспекторъ открылъ вамъ эту пріятную новость, вы, конечно, воспользуетесь ею и, въ случаѣ безработицы, валомъ повалите въ свои родовыя вотчины.

Объяснивъ, что русскій рабочій, въ сущности, не рабочій, а помѣщикъ, который, вѣроятно, только изъ снисхожденія къ капиталисту бросаетъ свое земельное богатство и идетъ на фабрику, г. Михайловскій принимается за описаніе житія-бытія этого рабочаго въ городѣ. «Пища его, говоритъ онъ, очень простая, но довольно обильная, а главное, она соотвѣтствуетъ его вкусамъ и удовлетворяетъ его потребностямъ. Она обыкновенно состоитъ изъ щей съ говядиной и каши съ масломъ—за обѣдомъ и ужиномъ, а за завтракомъ и полдникомъ рабочіе пьютъ чай съ бѣлымъ или чернымъ хлѣбомъ. Въ постные дни говядину замѣняетъ у нихъ рыба и овощи, а напиткомъ и, притомъ, любимымъ, служитъ у нихъ квасъ». Словомъ, въ этомъ отношеніи русскому рабочему не житье, а масленица, и, если, на самомъ дѣлѣ, ему приходится иногда терпѣть голодуху, то это происходитъ, вѣроятно, по его собственному желанію, а никакъ не по недостатку пищи: такой ужъ чудной человѣкъ русскій рабочій, что у него есть странная «потребность» отъ времени до времени питаться пищей св. угодниковъ.

Дальше повѣствуется о фабричныхъ порядкахъ. Такъ какъ мы уже знаемъ, что русскій рабочій—«землевладѣлецъ», который во всякую минуту можетъ промѣнять фабрику на привольное житье въ своемъ помѣстьѣ, то бѣдному капиталисту приходится итти на всевозможныя затраты, чтобы только удержать на фабрикахъ этого помѣщика-рабочаго. И вотъ,—разсказываетъ фабричный инспекторъ,—«при всѣхъ почти фабрикахъ, находящихся внѣ городовъ, имѣются для рабочихъ магазины: тутъ всякій рабочій можетъ забирать въ счетъ заработка по рыночной цѣнѣ, а иногда и дешевле все, что ему нужно... Что касается квартирнаго довольствія, то русскій рабочій и тутъ, въ большинствѣ случаевъ, обезпеченъ... Въ громадномъ многоэтажномъ корпусѣ устроенъ рядъ свѣтлыхъ, хорошо вентилированныхъ залъ для общаго жилья. Каждая зала снабжена отъ хозяина или койками, или полатями съ постелями съ матрацами и подушками, набитыми соломой. Квартирнымъ довольствіемъ отъ хозяина русскій рабочій особенно дорожитъ». Что вы на это скажете, господа торнтоновскіе и максвелевскіе рабочіе? Это вѣдь говорится именно про васъ. Потому вы, вѣроятно, и прозываетесь «коморощными», что живете въ свѣтлыхъ, просторныхъ, хорошо вентилированныхъ залахъ, потому, вѣроятно, заботливый хозяинъ и не позволяетъ вамъ селиться на вольныхъ квартирахъ, что очень ужъ пріятно ему видѣть своихъ рабочихъ въ теплѣ да в просторѣ этихъ «залъ».

«При каждомъ крупномъ фабричномъ заведеніи, расположенномъ внѣ города,—продолжаетъ г. Михайловскій,—имѣются: больница, баня, школа,

библіотека съ читальней, а при иныхъ, кромѣ того, богадѣльни, колыбельни и другія благотворительныя учрежденія.

«Всѣмъ этимъ рабочіе пользуются безплатно».

Дальше говорится о томъ, что было время, когда за прогулъ, неисправность въ работѣ, нарушеніе порядка и т. д. назначались произвольные штрафы, но теперь это уже исчезло.

Вся эта грубая и наглая ложь была бы только забавна и не стоила бы передачи, если бы она не была написана фабричнымъ инспекторомъ, т.-е. лицомъ, которое призвано быть блюстителемъ интересовъ рабочихъ. Вотъ и полюбуйтесь на этого блюстителя и поразмыслите, можно ли ждать отъ него какого-нибудь улучшенія участи рабочихъ. И не въ томъ дѣло, что г. Михайловскій дрянной человѣкъ, который можетъ лгать, не запинаясь. Между фабричными инспекторами, какъ и вездѣ, есть и хорошіе люди. Но разъ только эти хорошіе люди становятся фабричными инспекторами, стало-быть поступаютъ на службу къ правительству, имъ приходится либо лгать, либо молчать. Говорить правду это значило бы выступать противъ капиталистовъ, т.-е. противъ того самаго правительства, которое ихъ назначило, потому что по отношенію къ рабочимъ—правительство и капиталисты одно и то же.

За границей—другое дѣло. Тамъ самъ народъ принимаетъ участіе въ управленіи и назначеніи чиновниковъ; эти чиновники отвѣтственны передъ народомъ и могутъ быть имъ преданы суду за всякое неправильное дѣйствіе; поэтому фабричные инспектора тамъ являются, дѣйствительно, защитниками интересовъ рабочихъ. Если бы тамъ фабричный инспекторъ осмѣлился напечатать что-нибудь вродѣ того, что напечатано г. Михайловскимъ, онъ не могъ бы послѣ этого оставаться фабричнымъ инспекторомъ, потому что этимъ онъ доказалъ бы свое потворство капиталистамъ, тогда какъ, по существу дѣла, онъ именно долженъ быть представителемъ интересовъ рабочихъ. Да тамъ, впрочемъ, ни одинъ фабричный инспекторъ и не осмѣлился бы сдѣлать ничего подобнаго, потому что онъ зналъ бы, что, прежде всего, все общество, всѣ газеты и журналы высмѣютъ его и закидаютъ грязью, какъ лгуна. У насъ же фабричные инспектора являются наемниками враждебнаго народу правительства; поэтому онъ можетъ защищать рабочихъ только въ мелочахъ, а чуть только онъ подыметъ какой-нибудь дѣйствительно важный для рабочихъ вопросъ, чуть только онъ заговоритъ о настоящихъ, крупныхъ безобразіяхъ нынѣшняго порядка вещей на нашихъ фабрикахъ, ему сейчасъ же зажмутъ ротъ. Зато вотъ такимъ господамъ, какъ Михайловскій, даютъ полную свободу врать, что имъ угодно, мало того: ихъ вранье печатаетъ само правительство, на свои деньги, въ поученіе иностранцамъ...

Такъ-то ведется у насъ дѣло! И такъ, прибавимъ мы, будетъ оно вестись до тех поръ, пока рабочіе не сбросятъ съ себя правительственнаго ярма и не возьмутъ власть въ свои руки.

Стачка на ткацкой мануфактурѣ Воронина.

Съ 29-го января по 1-ое февраля нынѣшняго года на ткацкой мануфактурѣ купца Воронина, что на Рѣзвомъ островѣ, происходила стачка рабочихъ. Со времени стачки прошло уже 2 мѣсяца, а между тѣмъ, многіе не знаютъ ея подробностей, да не только подробностей, а даже того, что она была. Нечего говорить про провинцію, про провинціальныхъ интелли-

гентовъ и рабочихъ,—эти, конечно, и не слыхали о ней; но и здѣсь, въ Петербургѣ, большинство, вѣроятно, только слышало о томъ, что вотъ молъ гдѣ-то была какая-то стачка, а гдѣ, именно, она была, какая стачка, изъ-за чего она вышла, чѣмъ кончилась, объ этомъ врядъ ли знаетъ большинство публики. Да и откуда ему и узнать-то? Изъ газетъ? Такъ, вѣдь, у насъ газетамъ позволяется говорить только о стачкахъ керосинозаводчиковъ, сахарозаводчиковъ, углепромышленниковъ да всякихъ другихъ капиталистовъ; всѣмъ такимъ господамъ у насъ дозволяется устраивать стачки (они только называютъ эти стачки «синдикатами»), дозволяется и писать объ этихъ стачкахъ (только не очень бранить ихъ); если же дѣло идетъ о стачкѣ рабочихъ, то объ этомъ не то что въ газетахъ писать не приходится, но и говорить-то нужно шопоткомъ, съ оглядкой, потому что, разъ стачку устраиваютъ рабочіе, а не капиталисты,—она ужъ перестаетъ быть «синдикатомъ» и дѣлается бунтомъ противъ существующаго порядка вещей, за одинъ разговоръ о которомъ какъ разъ попадешь въ кутузку...

Ну что жъ, не позволяютъ намъ говорить объ этомъ въ легальныхъ газетахъ,—будемъ говорить въ нелегальныхъ, а говорить объ этомъ какъ бы то ни было, а необходимо. Русскій рабочій обреченъ на постоянное молчаніе. Онъ не можетъ, какъ его западно-европейскіе собратья, заявлять о своихъ нуждахъ, о своихъ обидахъ,—обо всемъ, что накипѣло у него на сердцѣ, на публичныхъ собраніяхъ, сходкахъ, въ рабочихъ клубахъ, потому что у насъ публичное собраніе сходокъ считается бунтомъ, рабочій клубъ—преступнымъ сообществомъ, и русскій рабочій молчитъ, молчитъ до тѣхъ поръ, пока мѣра терпѣнія его переполнится; тогда разражается стачка.

Такимъ образомъ, у насъ стачка—это единственный способъ, которымъ рабочій можетъ заявить о своихъ страданіяхъ, единственный случай, когда онъ можетъ подать свой голосъ, и понятно, что, чѣмъ рѣже раздается этотъ голосъ, тѣмъ внимательнѣе нужно къ нему прислушиваться. Но, кромѣ того, стачка у насъ—также и единственный способъ, единственное орудіе борьбы рабочихъ съ капиталистами, и, чтобы успѣшно пользоваться этимъ орудіемъ, надо знать его, надо знать, какъ имъ пользовались раньше, отъ чего зависѣли удачи и неудачи работниковъ въ этой борьбѣ, чѣмъ, слѣдовательно, могутъ они обезпечить на будущее время успѣхъ своихъ стачекъ, и т. д. Стачка воронинскихъ ткачей, о которой мы здѣсь поведемъ рѣчь, интересна еще, какъ увидимъ, нѣкоторыми своими подробностями.

Фабрика Воронина существуетъ съ 80 года. Первоначально дѣло шло на ней такъ же, какъ и на другихъ фабрикахъ, не лучше, да и не хуже, но лѣтъ 6 тому назадъ, около 87 года, Воронинъ сталъ постепенно измѣнять порядки не въ пользу рабочихъ, конечно. Началось съ уменьшенія расцѣнковъ. Сперва сбавлено было съ миткаля: за кусокъ мѣрою въ 60 аршинъ рабочіе получали раньше 37 коп., теперь было сбавлено 2 коп.—стали получать 35 коп. Рабочіе не погнались за этимъ, потому что въ это время начали работать другой товаръ—бумазею; работать ее труднѣе, но получаешь больше: за кусокъ въ 80 аршинъ 49 коп. Но не прошло и году, какъ Воронинъ сбавилъ заработки, прибавивъ мѣру, сперва на 5 аршинъ, потомъ еще на 3 аршина, а расцѣнокъ оставилъ прежній. То же самое онъ сдѣлалъ и съ другимъ товаромъ—буксиномъ: кусокъ увеличилъ на 10 аршинъ, а прибавилъ только 5 арш., а, между тѣмъ, работать буксинъ страшно тяжело, потому что онъ приготовляется изъ отбросовъ: «черезъ 3 недѣли кровью харкать будешь», говорили намъ рабочіе про эту работу. Затѣмъ начались и другія злоупотребленія: штрафы за бракъ налагались не по расцѣнкѣ, а какъ вздумается, за прогулъ, вмѣсто 25 коп. за смѣну

высчитывалось по 50 коп. и по 1 рублю. Рабочіе много разъ жаловались Воронину на все это, а, главное, на измѣнение в расцѣнкѣ платы за бумазею, и требовали введенія старыхъ расцѣнковъ. Воронинъ обѣщалъ увеличить расцѣнки, но откладывалъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а потомъ попросту сталъ грубо прогонять рабочихъ при такихъ заявленіяхъ и не только не увеличилъ расцѣнковъ, но опять сталъ уменьшать ихъ: передъ стачкой онъ объявилъ новый расцѣнокъ за бумазею, по которому кусокъ, и безъ того увеличенный съ 80 до 88 арш., увеличилъ еще на 22 арш., теперь кусокъ сталъ въ 110 аршинъ; по старому расцѣнку за такой кусокъ слѣдовало бы платить $61^{1}/_{4}$ коп., т.-е. прибавить къ прежней платѣ 12 коп., а онъ прибавилъ только 8 копѣекъ, сталъ платить 57 коп. за кусокъ. Рабочіе пошли толпой въ контору и стали требовать большей надбавки, именно, чтобы за кусокъ новой мѣры имъ платили 60 коп., грозя, въ случаѣ отказа, прекратить работу; но Воронинъ въ прибавкѣ отказалъ и съ ругательствомъ прогналъ просившихъ.

Тогда, 29 января, въ субботу, въ 1 часъ дня фабрика стала: всѣ (до 700 человѣкъ) забастовали. Воронинъ сейчасъ же далъ знать о стачкѣ полиціи, явился приставъ, но ему не удалось разогнать народъ, и рабочіе дождались пріѣзда помощника фабричнаго инспектора, котораго не пропустили въ контору, куда онъ хотѣлъ пройти, и, окруживъ сплошной стѣной, заставили выслушать всѣ жалобы. Между тѣмъ то, что передавали намъ рабочіе о поведеніи помощника фабричнаго инспектора, показываетъ, въ какое жалкое и двусмысленное положеніе становится это лицо, призванное быть защитникомъ интересовъ рабочихъ, когда ему приходится на дѣлѣ защищать ихъ: окруженный негодующими рабочими, г. помощникъ фабричнаго инспектора посовѣстился отвергнуть ихъ требованія и объявилъ, что признаетъ ихъ справедливыми. Рабочіе успокоились и пропустили его въ контору. Но стоило ему пробыть полчаса въ конторѣ въ обществѣ Воронина и пристава, какъ то, что ему казалось полчаса назадъ справедливымъ, перестало для него быть таковымъ: выйдя изъ конторы, онъ заговорилъ съ рабочими совсѣмъ иначе, чѣмъ говорилъ раньше, и только послѣ новаго, двухчасового разговора съ взволнованной и возмущенной толпой, онъ опять сдался и уѣхалъ, обѣщавъ рабочимъ удовлетворить ихъ требованіямъ. Рабочіе разошлись по квартирамъ, гдѣ, разбившись на кружки, толковали о стачкѣ, написали и отправили градоначальнику свои требованія. Между тѣмъ, улица, гдѣ находится Воронинская фабрика, и всѣ ближайшія улицы, заселенныя воронинскими ткачами, были переполнены полиціей и шпіонами; всѣ портерныя и питейныя были закрыты: боялись безпорядковъ.

Во вторникъ—1-го февраля на фабрику явился инспекторъ Давыдовъ, объявившій рабочимъ, что расцѣнокъ увеличенъ на 2 коп.—59, вмѣсто просимыхъ рабочими 60, но зато мѣра бумазеи сбавлена на 5 арш. 105 вмѣсто 110. Кромѣ того, было прибавлено на 10 коп. на буксинъ, который раньше работали почти даромъ. Стачка кончилась, рабочіе принялись за работу, но полиціи, которая не могла наказать всѣхъ рабочихъ, надо было наказать хоть кого-нибудь, и вотъ, какъ это всегда въ этихъ случаяхъ дѣлается, были выбраны «зачинщики», которыхъ арестовали и посадили по частямъ. Этихъ «зачинщиковъ»—11, вотъ ихъ имена: 1) Власъ Якимовъ, 2) Иванъ Громовъ, 3) Федоръ Царевъ, 4) Федоръ Евтюхинъ, 5) Петръ Штриненъ, 6) Федоръ Михайловъ, 7) Федоръ Суворовъ, 8) Илья Москвинъ, 9) Алексѣй Бариновъ, 10) Иванъ Политовъ, 11) Филиппъ Политовъ.

Всѣ эти рабочіе просидѣли около мѣсяца по частямъ, затѣмъ, въ началѣ марта. 9 изъ нихъ были высланы изъ Петербурга, а трое: Власъ Яковлевъ, Иванъ Громовъ и еще одинъ выпущены. Всѣ выпущенные, кромѣ Суворова, люди семейные, у всѣхъ остались жены съ малолѣтними дѣтьми, а у иныхъ и родители, находящіеся теперь въ крайне бѣдственномъ положеніи. Въ такомъ же положеніи находятся и высланные на родину, гдѣ у нихъ ни кола, ни двора. Въ пользу пострадавшихъ производились сборы денегъ между интеллигенціей и рабочими, и имъ передано около 300 рублей, но эта сумма, конечно, недостаточна: поэтому просимъ всѣхъ, могущихъ оказать денежную помощь, доставлять намъ деньги для передачи ихъ пострадавшимъ, или ихъ семействамъ.

Теперь нѣсколько словъ о значеніи воронинской стачки. Результаты ея налицо: съ одной стороны 2 копѣйки прибавки, съ другой—9 человѣкъ, оставшихся временно безъ хлѣба.

Стоила ли овчина выдѣлки, стоило ли изъ-за этихъ двухъ копѣекъ жертвовать девятью человѣками,—спроситъ, можетъ быть, иной читатель. Конечно, стоило, отвѣтимъ мы. Дѣло не въ двухъ копѣйкахъ лишку, которыя получили теперь воронинскіе ткачи: имъ, вообще, живется такъ плохо, и причины этого плохого житья настолько значительны, что двумя копѣйками тутъ ни на волосъ не облегчишь ихъ положенія; для Воронина эти 2 коп.—лишнихъ 400—500 руб. въ мѣсяцъ, но для рабочихъ это сущіе пустяки. И, конечно, не изъ-за этихъ пустяковъ боролись воронинскіе ткачи, а изъ-за того, чтобы положить предѣлъ произволу фабриканта. Каждая такая стачка въ отдѣльности даетъ мало матеріальнаго выигрыша рабочимъ, но всѣ онѣ вмѣстѣ имѣютъ для рабочихъ огромное значеніе. Капиталисты скрутили бы рабочихъ въ бараній рогъ, если бы рабочіе отъ времени до времени не давали бы имъ чувствовать свою силу, которая сказывается въ каждой стачкѣ, кончившейся побѣдой рабочихъ; какъ бы ни была мала такая побѣда,—она пугаетъ капиталистовъ, даетъ имъ острастку, а рабочихъ ободряетъ, даетъ имъ увѣренность въ себѣ, въ томъ, что стоитъ только имъ сплотиться, стать заодно, они добьются своего. Потому-то стачки такъ важны для рабочихъ, потому-то ихъ слѣдуетъ устраивать какъ можно чаще, при всякомъ удобномъ случаѣ (а такихъ случаевъ намъ долго искать не приходится); онѣ объединяютъ рабочихъ, пріучаютъ ихъ стоять другъ за друга, учатъ ихъ бороться, словомъ, в стачкахъ крѣпнетъ сила рабочихъ. А ради всего этого стоитъ пожертвовать и не девятью человѣками, тѣмъ болѣе, что мы вѣдь сами можемъ и уменьшить тяжесть этихъ жертвъ. У французских, нѣмецкихъ, англійскихъ рабочихъ, гдѣ стачки давно уже стали обычнымъ дѣломъ, тамъ въ каждомъ рабочемъ кружкѣ, на каждой фабрикѣ, въ каждомъ фабричномъ округѣ существуютъ рабочія кассы. За границей рабочій повсюду имѣетъ право устраивать стачки, правительство не можетъ ему запретить этого, поэтому тамъ нѣтъ надобности помогать пострадавшимъ и высланнымъ, потому что такихъ тамъ не бываетъ, и деньги изъ рабочихъ кассъ идутъ на то, чтобы содержать стачечниковъ во время прекращения работы. У насъ эти деньги шли бы и на то, и на другое; и на поддержку рабочихъ во время стачки, и на помощь высланнымъ. Денежная помощь стачечникамъ дала бы имъ возможность дольше протянуть стачку, а вѣдь извѣстно, что фабриканту каждый лишній день стачки приноситъ огромные убытки, такъ что вреда себѣ онъ больше получитъ и согласится сдѣлать большія уступки рабочимъ. Съ другой стороны, если широко помогать деньгами высланнымъ, то высылка не будетъ такъ тяжела для нихъ, а потому не

будетъ и страшна имъ, и они будутъ храбрѣе дѣйствовать во время стачки. Конечно, правительство не позволитъ намъ устраивать такія кассы явно,—будемъ устраивать ихъ тайно. Устройство этихъ рабочихъ кассъ само по себѣ будетъ еще болѣе сближать и объединять рабочихъ, само будетъ служить толчкомъ къ болѣе широкой и крѣпкой организаціи ихъ для борьбы съ правительствомъ и капиталистами.

Прилагаемъ къ нашей замѣткѣ письмо, полученное нами отъ одного изъ участниковъ стачки, какъ одинъ изъ подлинныхъ документовъ, которыми мы пользовались. Маленькія разногласія между содержаніемъ этого письма и нашей передачей дѣла объясняются именно тѣмъ, что это письмо только одинъ изъ документовъ, которымъ мы пользовались: кромѣ него у насъ были и другіе, которыми мы пополнили это письмо и исправили нѣкоторыя неточности.

«Я желаю объяснить нашу обиду, которая произошла у Воронина на фабрикѣ. Нашъ хозяинъ И. А. Воронинъ пустилъ фабрику въ ходъ съ перваго разу 14 лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ 80 году; и съ этого года начали работать хорошо и получали не совсѣмъ по малу, и продолжалось такъ до 87 года: все были старыя табели. И потомъ что же? Видитъ, подлецъ, что тутъ можно убавить, съ тѣхъ поръ и пустился на эти подлости и началъ убавлять расцѣнки, сперва сбавилъ съ миткаля, со 2-го сорта, 2 копѣйки. Получали сперва на миткаль, за второй сортъ на 34-ое колесо 37 копѣекъ, длиной кусокъ былъ 60 арш.; потомъ вывѣсили табель новую за 35 коп. За этимъ не погнались рабочіе, потому что съ этого разу начали другую работу, бумазею, которую работать много труднѣе: и за нее начали получать хорошо: за кусокъ получали 49 коп., длиною былъ въ этотъ разъ 80 арш. на 49-ое колесо. Потомъ не прошло и году,—началъ удумывать сбавку. Поразмысливши со своей подлостью, удумалъ сбавить заработки и какъ бы половчѣй, чтобы было извѣстно, и приказалъ пустить длиноту куска на 5 арш. больше, а за прежнюю же цѣну. Это, хоть и не понравилось рабочимъ, все-таки работали. И потомъ что же? Этого показалось мало нашему подлецу И. А. Воронину—сбавилъ еще второй разъ заработки: расцѣнку сбавилъ, а прибавилъ еще 3 арш. длины, и тогда сталъ кусокъ длиною 88 арш., а раньше было 80; а цѣна не прибавлена: тѣ же 49 коп. Вотъ у насъ и заработки стали хуже супротивъ прежнихъ годовъ, хоть и трудно было заработать это маленькое жалованіе, на эту дешевую цѣну все-таки работали. А потомъ, вотъ (не разб.) самый годъ, когда была прекращена работа у Воронина на фабрикѣ, въ этомъ дѣло, что Воронинъ пустилъ длину куска на 62 (не разб.) 82 арш. больше, а жалованія прибавилъ только 8 копѣекъ. Тогда пошли къ нему въ контору, потому что мало прибавилъ, и стали просить еще прибавки; хозяинъ не прибавляетъ, а народъ изъ конторы не уходитъ. Онъ видитъ, что шибко просятъ и безъ хлопотъ не обойдешься,—еще прибавилъ 2 коп. на кусокъ: всего сдѣлалъ прибавки 10 коп. А ткачи просили 11 коп., по старому расцѣнку (по старому у нихъ разсчитано было). Подлецъ больше не прибавилъ и погналъ вонъ изъ конторы и началъ ругать, какъ ему надо. Затѣмъ прекратили работу. 3 дня не работали. Когда не работали, въ то время пріѣхалъ инспекторъ Давыдовъ, по его расчету было прибавлено 10 коп. на другой товаръ: буксинъ названіемъ, который почти совсѣмъ даромъ работали раньше; въ этотъ разъ немного поровнялъ его съ другимъ расцѣнкомъ. Хотя и немного, а настояли свое. За это и были забраны люди въ полицію, которымъ придется пострадать нѣкоторое время».

Дальше слѣдуетъ списокъ фамилій, приведенныхъ выше, а дальше говорится:

«Читатель моей жалобы, прошу васъ, извини на томъ, что некрасиво написалъ: все дѣйствительная правда, потому что у насъ есть ткачи, которые работаютъ съ 80-го года, всѣ эти плутни знаютъ очень хорошо; но все упомнить трудно: что помнимъ, то и объясняемъ для васъ».

Поль Лафаргъ, одинъ изъ вождей рабочей партіи во Франціи, въ статьѣ, помѣщенной въ одномъ соціалистическомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Рабочая партія, ея цѣль, организація и средства борьбы», касается весьма важнаго вопроса о причинахъ неудачъ, постигшихъ всѣ попытки западно-европейскихъ рабочихъ улучшить болѣе или менѣе существеннымъ образомъ свое положеніе. Мнѣніе Лафарга, съ которымъ наши читатели познакомятся въ помѣщенной ниже I главѣ его сочиненія, имѣетъ для насъ огромное значеніе. Поль Лафаргъ является представителемъ тѣхъ самыхъ французскихъ рабочихъ, которые уже съ конца прошлаго столѣтія принимали непосредственное участіе во всѣхъ политическихъ событіяхъ, происшедшихъ во Франціи, которые много разъ пытались путемъ революціи добиться болѣе или менѣе сносныхъ условій существованія. Какимъ же образомъ вышло, что всѣ ихъ усилія не принесли имъ никакихъ существенныхъ результатовъ, что послѣ многихъ десятилѣтій геройской борьбы, стоившей рабочимъ очень дорого, послѣ того какъ они побѣждали правительство и захватывали въ свои руки власть,—въ результатѣ мы видимъ, что съ начала нынѣшняго вѣка нищета захватываетъ все болѣе и болѣе широкій кругъ лицъ и становится все болѣе и болѣе тяжкой?

Поль Лафаргъ и говоритъ по этому поводу слѣдующее:

Организація рабочей партіи.

Когда рабочій проситъ у фабриканта объ увеличеніи заработной платы, тотъ отвѣчаетъ: «Ты недоволенъ, любезный, что жъ, дорога скатертью. Посмотримъ, гдѣ ты найдешь что-нибудь лучшее». Но, когда тотъ же рабочій говоритъ отъ имени товарищей, когда за этимъ стоитъ хорошо организованный рабочій союзъ, хозяинъ не рѣшается говорить такимъ наглымъ тономъ. Онъ выслушиваетъ обращенныя къ нему отъ всѣхъ рабочихъ требованія и, если замѣчаетъ, что рабочіе стоятъ заодно и готовы на стачку,—онъ колеблется, а иной разъ и уступаетъ. Отдѣльный рабочій передъ хозяиномъ ничто, но организація рабочихъ, рабочій союзъ договаривается съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, сила съ силой. То же самое и въ политикѣ. Поодиночкѣ рабочіе ничто передъ представителями капиталистовъ,—революція и всеобщее голосованіе обращаются имъ же во вредъ, какъ это было до сихъ поръ; и, какъ въ области производства его эксплоатируютъ капиталисты, такъ въ политикѣ его эксплоатируютъ депутаты-капиталисты. Но если рабочіе организованы въ одно цѣлое, если они имѣютъ опредѣленную программу, опредѣленную тактику, имѣютъ своихъ должностныхъ лицъ и представителей въ палатѣ депутатовъ,—тогда они могутъ повернуть въ свою пользу и всеобщее голосованіе, и революцію.

Соціалисты во Франціи, какъ и за границей, поставили своей цѣлью организацію рабочихъ. Они основали рабочую партію, эта партія, имѣвшая уже 8 ежегодныхъ конгрессовъ, выработала опредѣленную программу,

у нея есть свой національный совѣтъ, областные и мѣстные совѣты, она имѣетъ своихъ представителей въ палатѣ депутатовъ (парламентѣ), въ муниципалитетахъ (нашихъ городскихъ думахъ), въ генеральныхъ совѣтахъ (вродѣ нашихъ земскихъ управъ). Программа партіи, изложенная Гэдомъ и Лафаргомъ въ брошюрѣ, разошедшейся въ двухъ милліонахъ экземпляровъ, раздѣляется на 2 части. Первая опредѣляетъ цѣль партіи: обобществленіе средствъ производства и обмѣна, вторая, содержаніе которой измѣняется сообразно требованіямъ времени, указываетъ тѣ реформы, осуществленія которыхъ партія считаетъ нужнымъ и возможнымъ добиваться. Организація партіи очень проста. Въ городахъ ея члены собираются въ группы или секціи по кварталамъ; каждая группа выбираетъ представителя въ мѣстный совѣтъ, составляющійся, такимъ образомъ, изъ представителей всѣхъ мѣстныхъ группъ. Мѣстный совѣтъ выбираетъ изъ своей среды должностныхъ лицъ, секретарей и казначеевъ, на обязанности которыхъ лежитъ завѣдываніе текущими дѣлами группы.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ извѣстное число мѣстныхъ совѣтовъ, они сносятся между собой и выбираютъ областной совѣтъ, составляющійся такимъ образомъ изъ представителей всѣхъ мѣстныхъ совѣтовъ.

Надъ мѣстными и областными совѣтами, соединяя ихъ въ одну обширную организацію, стоитъ Національный Совѣтъ, состоящій изъ семи членовъ, выбираемыхъ ежегодно на Парижскомъ Національномъ Конгрессѣ. На обязанности Національнаго Совѣта лежитъ приведеніе въ исполненіе резолюцій конгресса и, вообще, осуществленіе тѣхъ мѣръ, которыхъ требуютъ интересы партіи. Посредствомъ своего секретаря по внутреннимъ дѣламъ, онъ постоянно сносится со всѣми мѣстными и областными совѣтами Франціи; черезъ посредство секретаря по иностраннымъ дѣламъ со всѣми рабочими и соціалистическими организаціями Европы и Америки. Національный Совѣтъ издаетъ еженедѣльный органъ «Соціалистъ», въ которомъ печатаются теоретическія статьи и сообщаются подробныя свѣдѣнія о соціалистическомъ движеніи во Франціи и за границей.

Рабочая партія открываетъ доступъ въ свои ряды всѣмъ мужчинамъ и женщинамъ, стремящимся къ освобожденію труда; при этомъ требуется только, чтобы вступающіе въ партію приняли ея программу и подчинились постановленіямъ конгресса. Между членами партіи не существуетъ никакихъ различій, всѣ пользуются одинаковыми правами и несутъ одинаковыя обязанности, въ частности, женщины пользуются одинаковыми правами съ мужчинами и, по мѣрѣ возможности, исполняютъ ту же работу, что и мужчины. Каждый новый членъ въ день своего вступленія въ партію получает отъ Національнаго Совѣта карточку и книжечку съ изложеніемъ программы партіи и постановленій Конгресса. Будучи снабженъ этимъ билетомъ и книжечкой, всякій членъ партіи можетъ быть увѣренъ въ томъ, что въ какую бы часть Франціи ни занесла его судьба, онъ будетъ встрѣченъ товарищами, готовыми найти ему работу, а, въ случаѣ нужды, оказать и денежную помощь. Покидая городъ, онъ долженъ узнать у секретаря своей группы, мѣстнаго или Національнаго Совѣта, адресъ группы той мѣстности, куда онъ направляется. Рабочая партія это, прежде всего, общество, основанное на полной солидарности его членовъ, которые каждую минуту готовы притти на помощь другъ другу, но, кромѣ того, школа взаимнаго обученія, въ которой всѣ члены ея получаютъ политическое и соціалистическое воспитаніе. Каждая группа по своему усмотрѣнію собирается разъ или два въ недѣлю; послѣ разбора текущихъ дѣлъ и корреспонденціи

другихъ группъ и Національнаго Совѣта, члены занимаются разборомъ вопросовъ текущей политики, теоретическими вопросами экономіи и т. д.

Рабочая партія принимаетъ дѣятельное участіе въ политической и экономической борьбѣ. Если гдѣ-нибудь вспыхнетъ стачка, мѣстная группа должна поддерживать ее и немедленно извѣстить о ней Національный Совѣтъ, который, узнавъ обстоятельства дѣла, увѣдомляетъ о стачкѣ другія группы Франціи, а также заграничныя рабочія и соціалистическія организаціи, и проситъ у нихъ моральной и матеріальной поддержки.

Во время избирательнаго періода группы преобразовываются въ избирательные комитеты, выбираютъ кандидатовъ, ведутъ агитацію. Имя своего кандидата онѣ сообщаютъ Національному Совѣту, который или утверждаетъ его, или, если нужно, дѣлаетъ свои замѣчанія и опубликовываетъ въ «Соціалистѣ» это не разб.) къ свѣдѣнію всѣхъ группъ. Если есть надобность, Нац. Сов. для поддержки кандидатуры открываетъ подписку, а для защиты ея присылаетъ ораторовъ.

Рабочая партія старается сорганизовать рабочихъ въ одно цѣлое, пробудить въ нихъ классовое самосознаніе, (не разб.) ихъ въ принципахъ соціализма, помогаетъ имъ и руководитъ ими въ политической и экономической борьбѣ, подготовляет ихъ къ захвату политической власти.

Поль Лафаргъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Кому живется весело, вольготно на Руси», спрашивали некрасовскіе крестьяне и, обойдя почти всю Россію, все-таки не нашли отвѣта на этотъ вопросъ. Да и не удивительно, потому что доступъ въ тѣ мѣста, гдѣ живется весело, вольготно, какъ разъ для крестьянъ и, вообще, людей простого званія, закрытъ. Имъ, какъ мы знаемъ, даже и заглянуть въ «парадный подъѣздъ» не привелось, а если бы они и заглянули туда, то имъ не пришлось бы колесить по всей Россіи отыскивать счастливыхъ людей: они узнали бы, что весело и вольготно у насъ живется только дворянству, да капиталу. Еще блаженной памяти Николай I говорил, что дворянство опора престола и что онъ самъ за удовольствіе почитаетъ принадлежать къ этому сословію, то же повторяли и его преемники, съ той только разницей, что при нихъ къ этой первой опорѣ престола прибавилась еще торая—капиталисты, или, какъ они себя называютъ, «всероссійское купечество»... Такъ какъ сидящему на престолѣ, конечно, выгодно, чтобы опоры престола стояли твердо, то дворянство и капиталисты являются у насъ единственными классами, интересы которыхъ правительство принимаетъ въ расчетъ, проще сказать, дворянамъ и капиталистамъ правительство позволяетъ досыта грабить народъ, да и само дѣлится съ ними своимъ награбленнымъ добромъ, съ тѣмъ только, чтобы они за это всѣми силами поддерживали престолъ и охраняли сидящаго на немъ царя или, какъ его называютъ за границей, гатчинскаго медвѣдя.

Гатчинскій медвѣдь, съ своей стороны, щедро расплачивается со своими охранителями народными денежками. Трудно и перечислить все то, что сдѣлано для дворянъ и капиталистовъ правительствомъ въ послѣднія 30 лѣтъ, да мы и не станемъ перечислять, только приведемъ нѣкоторые примѣры.

Извѣстно ли, напримѣръ, нашимъ читателямъ, что съ 1860 года правительство передавало капиталистамъ разныя промышленныя предпріятія почти на 2 милліарда рублей. Къ 1 января 1892 г. долги казнѣ однихъ капиталистовъ-желѣзнодорожниковъ доходили до 1865 милліоновъ рублей, тогда какъ всѣ остальные должники вмѣстѣ должны были казнѣ, если считать даже, что эти деньги должны одни крестьяне, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, лишь только 7... (не разб.) милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, за каждые $3^1/_2$ рубля крестьянскаго долга казнѣ приходится $96^1/_2$ долга капиталистовъ; и в то время, какъ изъ крестьянъ выколачиваютъ эти ихъ долги всѣми возможными способами, когда за долгъ продается ихъ послѣднее имущество, съ капиталистовъ правительство не только ничего не получаетъ, но еще приплачиваетъ имъ: доходъ съ тѣхъ же желѣзныхъ дорогъ, которыя приносятъ его, идетъ въ карманъ капиталистовъ, а убытки, которые приносятъ малодоходныя желѣзныя дороги, покрываются казной. Долгъ желѣзнодорожниковъ правительству почти равенъ стоимости всѣхъ желѣзныхъ дорогъ (стоятъ онѣ 2.200 милл. рублей, а должны казнѣ 1865 милл. р.), такъ что правительство имѣло бы полное право забрать ихъ за долгъ въ свои руки; оно, однако, не только не дѣлаетъ этого, но всѣми способами старается еще и еще увеличить силу капиталистовъ.

Или вотъ, напримѣръ, какъ правительство помогаетъ грабить народъ сахарозаводчикамъ. Средняя стоимость у насъ пуда сахара съ уплатой акциза около 3 р. 15 к. По такой цѣнѣ его и должны бы продавать сахарозаводчики, потому что, если бы они стали запрашивать дороже, то никто не сталъ бы покупать ихъ сахара, а стали бы покупать привозный изъ заграницы. И вотъ, чтобы дать имъ возможность грабить народъ, — правительство налагаетъ на заграничный сахаръ пошлину: когда сахаръ перевозятъ изъ заграницы, то на границѣ уплачиваютъ въ казну съ 1 пуда низшаго сорта 4 р. 50 к., а съ высшаго 6 р. на 1 пудъ. Понятно, что заграничные купцы и не станутъ тогда везти къ намъ своего сахару: какая тутъ корысть: за товаръ выручишь 3 р. 20—30 коп. и заплатишь одной пошлины 4—6 рублей.

Этого только и добиваются наши сахарозаводчики: разъ только заграничнаго сахара къ намъ не привозится, покупатель волей-неволей долженъ покупать сахаръ у нихъ: больше не у кого. А они, конечно, пользуются этимъ и заламываютъ какую угодно цѣну: пудъ сахару, который должны бы продавать по 3 р. 15 к., продаютъ въ 7—8 р. Понятно, что брать за сахаръ вдвое-втрое больше, чѣмъ онъ стоитъ, можно только тогда, когда его производится меньше, чѣмъ нужно народу, потому что, если произвести его слишкомъ много, придется понизить цѣну: не пропадать же лишку даромъ! И вотъ, сахарозаводчики устраиваютъ стачку, заранѣе сговариваются, чтобы производить сахару меньше, чѣмъ въ немъ нуждается народъ, тогда можно продавать его за какую хочешь цѣну—у васъ раскупятъ. А если они и просчитаются, и то не бѣда: какъ только увидятъ, что цѣна на ихъ сахаръ падаетъ, отправятъ лишекъ за границу, цѣна опять подымется. Ну, а какъ же имъ вывозить сахаръ за границу, когда тамъ сахаръ дешевле нашего? Они обращаются къ правительству и просятъ, чтобы оно не брало акциза съ того сахара, что они везут за границу. Правительство соглашается. Но нашимъ сахарозаводчикамъ и этого мало: они привыкли брать барышъ не какой-нибудь, а 3 р. на рубль. И вотъ, они просятъ правительство, чтобы оно, для содѣйствія русской торговлѣ, не только не брало бы съ нихъ акциза, но еще платило бы имъ награду за каждый пудъ сахара, который они вывозятъ за границу. Правительство

и на это согласно. Въ 1885 г. оно установило на одинъ годъ такія награды для тѣхъ, кто вывозитъ сахаръ въ Германію и Австрію, а тѣмъ, кто везетъ его въ Азію, такія награды выдавались цѣлыхъ 6 лѣтъ: съ 1885 по 1891 годъ. Такихъ наградъ правительство за это время переплатило сахарозаводчикамъ 6 съ половиной милл. рублей, такъ что на каждый сахарный заводъ пришлось награды по 37 тысячъ руб. А для того, чтобы доходы правительства не уменьшались отъ уплаты этой награды, оно взяло ее съ народа; увеличило акцизъ (налоги) на сахаръ ровно на столько, чтобы было чѣмъ наградить сахарозаводчиковъ.

Такихъ примѣровъ можно привести еще много, но съ насъ довольно и этого, чтобы видѣть, что капиталистамъ у насъ живется недурно.

Не хуже живется и дворянамъ-помѣщикамъ. Съ самаго освобожденія крестьянъ не перестаютъ они кричать о томъ, что ихъ обидѣли, и вотъ правительство, которое и само раскаивается въ томъ, что освободило крестьянъ, старается вернуть дворянству банкъ, въ который переводятся ихъ долги другимъ банкамъ и который, выдавая подъ дворянскія имѣнія бѣшеныя деньги, почти никогда не продаетъ ихъ за долги, какъ это дѣлаетъ крестьянскій банкъ съ крестьянской землей; изъ всѣхъ сословій они одни только да «всероссійское купечество» имѣютъ право ходатайствовать передъ правительствомъ о своихъ нуждахъ; въ ихъ руки правительство отдало земство, въ которомъ съ 1889 года число дворянъ увеличено, а число крестьянъ уменьшено, они пользуются всевозможными привилегіями по службѣ, изъ нихъ, наконецъ, набираются земскіе начальники, эти крѣпостные помѣщики нашихъ дней. Для нихъ и для капиталистовъ, главнымъ образомъ, существуютъ гимназіи, университеты и другія учебныя заведенія, потому что для бѣднаго люда правительство подъ всякими предлогами закрываетъ туда доступъ. Для капиталистовъ и помѣщиковъ существуетъ полиція, ихъ имущество во время народныхъ волненій защищаетъ войско, для нихъ, какъ увидимъ дальше, правительство обезземеливаетъ крестьянъ и обездоливаетъ рабочихъ.

Да, подлинно, это счастливые. Подлинно, имъ однимъ только живется весело, вольготно на Руси.

Перейдемъ къ крестьянству и рабочимъ. Что сдѣлало и что дѣлаетъ для нихъ правительство? Какъ что? Да вѣдь оно, прежде всего, освободило крестьянъ? Такъ можетъ говорить только человѣкъ, не знакомый съ исторіей освобожденія крестьянъ. Кто же знаетъ всю исторію, тотъ знаетъ, что крестьяне сами себя освободили: послѣ бунта Пугачева, крестьянскіе бунты не прекращались во все время царствованій Павла, Александра I и, особенно, Николая, подъ конецъ царствованія котораго, во время Крымской войны, эти бунты приняли громадные размѣры, охватили разомъ до 13 губерній. Правительство видѣло, что оно стоитъ наканунѣ народной революціи, поспѣшило затушить ее своими реформами. Еще въ 1847 г. великій русскій писатель Бѣлинскій въ частномъ письмѣ писалъ, что, если правительство не освободитъ крестьянъ, то крестьянскій вопросъ рѣшится самъ собою въ тысячу разъ болѣе непріятнымъ для русскаго дворянства способомъ.

Крестьяне сильно возбуждены: спятъ и видятъ освобожденіе. Когда народъ спитъ, дѣлайте, что хотите, все будетъ по-вашему, но, когда онъ проснется, не дремлите сами, а то быть худу... И императоръ Александръ II прекрасно понималъ это. Онъ самъ говорилъ дворянамъ: «Господа, надобно освободить крестьянъ сверху, иначе они сами освободятъ себя снизу». И понятно, что сверху освобождать было выгоднѣе; если бы крестьяне сами

себя освободили, они, конечно, завладѣли бы помѣщичьими землями, а тутъ, когда правительство взяло на себя освобожденіе народа, можно было дать ему нищенскіе надѣлы. Такъ и было сдѣлано. На другой день послѣ освобожденія крестьянъ Чернышевскій в неизданномъ тогда письмѣ къ Александру II (оно называлось «Письмо безъ адреса») съ цифрами въ рукахъ доказалъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ ихъ экономическое положеніе, земельное богатство ухудшилось, а не улучшилось. Десятки комиссій, которыя правительство учреждало будто бы для улучшенія положенія крестьянъ, при всемъ своемъ нежеланіи говорить правду, должны были признать, что это дѣйствительно такъ. Впрочемъ, нашимъ читателямъ это хорошо извѣстно, а кому неизвѣстно, пусть спроситъ стариковъ-крестьянъ, когда у нихъ было больше земли: до освобожденія или теперь. Итакъ, правительство освободило крестьянъ только потому, что иначе вспыхнула бы народная революція, которая смела бы правительство съ лица земли. Освободивъ крестьянъ, правительство ставило ихъ въ худшее положеніе, чѣмъ то, въ какомъ они были до освобожденія. Это начало опредѣлило всю дальнѣйшую политику правительства. Съ тѣхъ поръ на крестьянъ, какъ на бѣднаго Макара въ русской пословицѣ, дождемъ посыпались шишки. Нечего и говорить о косвенныхъ налогахъ, нечего говорить и о прямыхъ; это даже и не налоги, а просто дань, какою облагали татары народъ во время своего нашествія. А между тѣмъ, земля выпахивается, истощается, и платежи становятся все болѣе и болѣе несоразмѣрными. Затѣмъ, то, что не успѣло отрѣзать помѣщикамъ изъ крестьянской земли правительство, то теперь грабитъ кулакъ съ цѣловальникомъ. По вычисленію одного русскаго ученаго, для того, чтобы населеніе не уменьшалось, чтобы число рождающихся было больше числа умирающихъ, нужно, самое меньшее, имѣть надѣлъ въ 4—5 десятинъ, а такимъ надѣломъ изъ бывшихъ государств. крестьянъ владѣло в 1880 году 34 на 100 (теперь, конечно, еще меньше), а изъ бывшихъ помѣщичьихъ только 4 человѣка на 100. Послѣдствія этого у насъ передъ глазами. Лѣтъ 60 назадъ у насъ и не слыхали о картофелѣ, а теперь посѣвъ его съ каждымъ годомъ увеличивается.

Что это значитъ? Это значитъ, что в крестьянскомъ обиходѣ хлѣбъ замѣняется картофелемъ, да, впрочемъ, намъ и это бы еще хорошо, потому что картофель, въ свою очередь, замѣняется лебедой, жмыхами и т. п. И вотъ, народъ начинаетъ вымирать. Нѣтъ недѣли, чтобы въ газетахъ не сообщалось, что вотъ, дескать, въ такой-то губерніи народу умираетъ больше, чѣмъ рождается. Въ послѣднихъ №№ «Русской Жизни» сообщались такія свѣдѣнія о Ставропольской губ. и о городѣ Мценскѣ, Орловской губ., раньше сообщалось то же о Петергофскомъ уѣздѣ, о Воронежской губ., а раньше и о многихъ другихъ. Отовсюду сообщается и о томъ, что на призывахъ все больше и больше народу бракуется по негодности. Такъ, въ Смоленской губ., напримѣръ, въ нынѣшнемъ году на каждые 100 человѣкъ браковалось 22, въ другихъ губерніяхъ число негодныхъ къ военной службѣ доходитъ до 45—50 человѣкъ на 100. Все это, конечно, отъ плохого питанія, а плохое питаніе—отъ разоренія. А въ то время, когда народу нечего ѣсть,—капиталисты-помѣщики да кулаки, скупивъ хлѣбъ за безцѣнокъ и забравъ его за долги, везутъ его за границу въ такомъ количествѣ, какъ будто его у насъ и дѣвать некуда. Каждый годъ у насъ вывозится за границу больше 300 милл. пудовъ хлѣба, и даже въ голодный 91—92 годъ вывезено было 179 милл. пудовъ. Зато, для народа съ каждымъ годомъ остается все меньше и меньше хлѣба: теперь крестьянину въ день приходится ограничиться $1^1/_2$ фунтами (даже немного меньше), тогда какъ для

солдатъ, напримѣръ, установлена ежедневная порція въ 3 фунта. А вѣдь солдаты-то не однимъ хлѣбомъ питаются, какъ крестьяне.

До какой степени разорено у насъ крестьянство, видно по числу накопившихся недоимокъ. Въ губерніяхъ Тульской, Орловской и Пермской недоимки увеличились за одинъ 1891 годъ болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей; въ губ. Курской, Нижегородской и Симбирской больше, чѣмъ на $1^1/_2$ милл.; въ губ. Пензенской и Саратовской больше, чѣмъ на 3 милл.; в Воронежской больше, чѣмъ на $2^1/_2$ милл., и въ губ. Самарской, Казанской и Тамбовской больше, чѣмъ на 3 милл. Во многихъ губерніяхъ недоимка выше теперь годового оклада, напримѣръ, въ Казанской—втрое (всей недоимки здѣсь 11.360.000 р., въ Самарской—почти вчетверо (недоимки 14.407.000 р.).

Казалось бы, разореніе дошло до того, что, сколько ни колоти, изъ крестьянъ ничего не выколотишь. Но правительство думаетъ иначе: когда въ одной газетѣ появился слухъ, что министерство финансовъ издало распоряженіе впередъ не выколачивать податей, — министръ финансовъ перетревожился и поспѣшилъ заявить, что онъ и не думаетъ отказываться отъ выколачиванія недоимокъ. Мало того, Правительству кажется, что разореніе народа идетъ еще не достаточно скоро, потому что тѣ, у кого есть свои земли, въ урожайные годы не идутъ обрабатывать помѣщичьи земли. Фабрикантамъ тоже нужны дешевыя рабочія руки. И вотъ правительство старается поскорѣе оторвать народъ отъ земли. Съ этой цѣлью вводится ограниченіе общиннаго землевладѣнія, такъ какъ статистическія изслѣдованія показали, что при общинномъ землевладѣніи крестьянинъ крѣпче держится за землю, чѣмъ при подворномъ; теперь передѣлы земли ограничены, поставлены подъ контроль земскихъ начальниковъ, а ходятъ слухи, что правительство и вовсе хочетъ запретить мірское владѣніе землей. Правительство хочетъ расколоть крестьянство надвое: на богачей и безземельныхъ бѣдняковъ. Богачи помогутъ правительству окончательно закабалить народъ, а чтобы капиталисты не нуждались въ рабочихъ, то будутъ наищо обезземеленные бѣдняки, которыхъ царь-голодъ погонитъ на фабрику. Чтобы крестьянинъ и рабочій человѣкъ не сознавали этого и не видѣли той ямы, которую копаетъ для нихъ правительство, оно старается держать его вдали отъ просвѣщенія.

Школы находятся въ рукахъ у поповъ, а книга—чѣмъ она лучше, тѣмъ она меньше доступа имѣетъ къ народу. И вправду, мы видимъ, что разными министерскими циркулярами изъ народныхъ читаленъ изъято почти все, кромѣ душеспасительныхъ чтеній, сказокъ и нѣсколькихъ помойныхъ газетокъ, отъ постояннаго чтенія которыхъ развѣ можно было бы отупѣть и развратиться, а ужъ никакъ не просвѣтиться. Изданія, которыя твердятъ о преданности престолу или о томъ, что народъ долженъ быть доволенъ ужъ тѣмъ однимъ, что его можно во всякую минуту выпороть, распространяются въ народѣ чуть не даромъ: недавно правительство дало князю Мещерскому 300 тысячъ рублей, чтобы онъ издавалъ такого рода газету для народа—«Русь». Теперь эта газета распространяется въ народѣ земскими начальниками да околоточными надзирателями. Вотъ каковы заботы правительства о народномъ просвѣщеніи. Не лучше его заботы и о прочихъ его нуждахъ. Вѣдь подумаешь, какая у насъ благодать! Напримѣръ, законы для охраны интересовъ рабочихъ—за границей они издаются, вынуждаемые силою, самими рабочими при громадныхъ жертвахъ съ ихъ стороны, а у насъ законы въ пользу рабочихъ издаются какъ будто по почину самого правительства, при дѣятельномъ участіи фабрикантовъ. Нужно ли лучше? На самомъ дѣлѣ, конечно, не такъ. Лѣтъ 10—15

назадъ въ Россіи было сильное революціонное движеніе, въ которомъ принимали участіе и рабочіе. Съ конца семидесятыхъ годовъ и, особенно, въ 1884 и 1885 годахъ было много рабочихъ волненій и стачекъ; изъ нихъ особенно выдалась стачка на фабрикѣ Морозова въ Орѣхово-Зуевѣ. Тамъ рабочіе напали на караулъ, прогнали вооруженныхъ солдатъ и освободили всѣхъ арестованныхъ товарищей.

Правительство перетрусило и поспѣшило сдѣлать что-нибудь для рабочихъ. Въ 1886 году былъ изданъ законъ о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, который былъ составленъ, однако, такъ, чтобы фабриканты какъ можно меньше понесли убытка. Чтобы слѣдить за исполненіемъ этихъ законовъ, были назначены фабричные инспектора: по одному съ помощникомъ на 6 или 8 губ. Гдѣ ужъ тутъ услѣдить, если бы и хотѣть! Но главное не въ этомъ. Права рабочихъ только тогда могутъ уважаться, когда для защиты ихъ выбираются люди самими рабочими. Чиновникамъ мало дѣла до рабочихъ, они всегда будутъ служить тому, кто больше дастъ. Наши же фабричные законы вовсе не даютъ рабочимъ права выбирать представителей. Для высшаго надзора за фабриками и для разбора споровъ между рабочими и фабрикантами учреждены губернскія присутствія по фабричнымъ дѣламъ. Въ эти присутствія не допускается ни одинъ представитель рабочихъ, зато въ нихъ засѣдаютъ члены Совѣтовъ и Комитетовъ Торговли и Мануфактуръ, то-есть капиталисты. Правительство говоритъ, что, будто, интересы рабочихъ будетъ защищать фабричный инспекторъ. Но какой же это защитникъ рабочихъ, когда для него интересы фабриканта, пожалуй, милѣй интересовъ рабочихъ.

Въ прошломъ году 8 іюня вышло царское повелѣніе, которое еще болѣе измѣнило законъ въ угоду капиталистамъ. По этому закону, если рабочій оставитъ фабрику, не предупредивъ хозяина,—то онъ подвергается аресту до одного мѣсяца; а фабрикантъ за несправедливое удаленіе рабочаго отвѣчаетъ только вознагражденіемъ за понесенные рабочимъ убытки; этимъ же повелѣніемъ уменьшается наказаніе управляющихъ фабрикою за расплату съ рабочими товаромъ или купонами, вмѣсто денегъ: раньше управляющій подвергался за это трехмѣсячному аресту и, кромѣ того, могъ быть по суду лишенъ навсегда права завѣдывать фабрикой, теперь же онъ можетъ лишиться этого права не больше, какъ на два года; высшее наказаніе для завѣдующаго фабрикой трехмѣсячный арестъ,—а рабочаго за подстрекательство къ стачкѣ могутъ посадить въ тюрьму на годъ и 4 мѣсяца. Кромѣ того, это повелѣніе увеличиваетъ отвѣтственность рабочаго за неисправную работу: кромѣ штрафа рабочій по суду можетъ быть приговоренъ къ уплатѣ вознагражденія фабриканту за убытокъ; этимъ же повелѣніемъ увеличивается власть родителей и родственниковъ надъ работающими вмѣстѣ съ ними несовершеннолѣтними дѣтьми: имъ можетъ быть выдаваема одна общая расчетная книжка.

Какъ видите, затихло революціонное движеніе, уменьшились волненія рабочихъ, и правительство спѣшитъ покрѣпче скрутить послѣднихъ, и кто знаетъ, до чего оно дойдетъ въ этомъ направленіи. У насъ взгляды правящихъ классовъ выражаетъ газета «Московскія Вѣдомости». Эта газета всегда также стоитъ на сторонѣ дворянъ и капиталистовъ. И вотъ теперь «Московскія Вѣдомости» пишутъ, что надо совершенно уничтожить фабричное законодательство, такъ какъ оно основано на зловредныхъ ученіяхъ соціализма.

Газета говоритъ, что пролетаріата у насъ нѣтъ, а есть только бродяги и босяки, которые не желаютъ работать. Поэтому нужно всѣхъ людей, не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій (изъ простонародья, конечно, а не изъ дворянскихъ и купеческихъ сынковъ), водворить въ исправительныя роты съ тяжелымъ принудительнымъ трудомъ. Не найдешь работы, значитъ, ты все равно, что преступникъ, и нужно тебя засадить въ исправительныя роты.

Вы видѣли, что правительство сознаетъ народную силу и боится ея: когда народъ готовъ былъ возстать, оно поспѣшило освободить его отъ крѣпостной зависимости; когда начались рабочія движенія,—оно поспѣшило дать рабочимъ фабричную инспекцію. Но вы видѣли также и то, что, въ сущности, правительство обманывало народъ: или давало ему пустяки, лишь бы на время успокоить его, или сейчасъ же отбирало дарованное и скручивало народъ пуще прежняго.

Надо понять, что такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока народъ, выведенный изъ терпѣнія жалкими подачками, не смететъ это правительство, вмѣстѣ съ шайкой его приспѣшниковъ-капиталистовъ, съ лица земли и самъ станетъ своимъ господиномъ. Народныя волненія продолжаются у насъ и теперь, но они бываютъ случайны и только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Когда эти возстанія станутъ общими и постоянными—противъ нихъ не устоитъ никакое правительство.

ХРОНИКА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ЖИЗНИ.

От Спб. **Порта.**

Все труднѣй и тяжелѣй становится жить рабочимъ Спб. порта. Начальство утѣсняетъ ихъ все больше и больше, на нихъ налагаютъ штрафы, а за что?—за то, что работай безъ перерыва, а случись рабочему по какой-нибудь домашней причинѣ не выйти на работу, за то ему штрафъ въ размѣрѣ полной поденной платы. Такъ что рабочій прогуляетъ день, а с него высчитываютъ за два дня. Да и штрафы-то назначаютъ неправильно,—то по ошибкѣ, которую все равно никогда не исправятъ; то младшее начальство старается выдвинуться впередъ передъ старшимъ: вѣдь за штрафы ихъ хвалятъ, объявляютъ имъ въ приказѣ благодарности. Изъ такихъ утѣснителей въ порту извѣстны: корабельный инженеръ Заблоцкій, Титовъ, Афанасьевъ и много другихъ, которые стараются передъ старшими инженерами: Андрушенко, Максимовымъ, Мустафинымъ, а тѣ, въ свою очередь, передъ командиромъ порта — Верховским, и т. д., всѣ одинъ передъ другимъ разоряютъ народъ. Теперь придумали еще новую мошенническую штуку. Рабочему выплачиваютъ не всю плату, которая слѣдуетъ по условію, а удерживаютъ изъ нея часть, какъ говорятъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончено условіе. Дѣлается это на тотъ случай, что, если бы заказъ не былъ принятъ, то этими деньгами возмѣщаются убытки завода. Однако, рабочіе никогда и не видятъ этой законной части своей платы, какъ бы долго онъ ни служилъ на заводѣ. Вещь, которую онъ работалъ, бываетъ давнымъ-давно окончена и принята и даже отживаетъ свой вѣкъ, а условіе все еще считается неоконченнымъ, и рабочій не можетъ получить недоданной части его заработка. Не выдаютъ рабочему этихъ денегъ и въ томъ случаѣ, если онъ выйдетъ съ завода. Если же онъ вздумаетъ притти потомъ, то его просто не пустятъ, т. к. безъ марки онъ не имѣетъ права входить на заводъ; если онъ и войдетъ въ контору, то его выгонятъ вонъ. И жаловаться на это некому, потому что все это дѣлается по приказу

командира порта—Верховского. Были, правда, смѣльчаки, которые ходили къ управляющему морскимъ министерствомъ и къ Великому Князю Алексѣю Александровичу, такъ какъ онъ главный начальникъ флота,—да толку изъ этого выходитъ мало: лично они ни того, ни другого не видали, а поданныя прошенія положены подъ сукно и лежатъ тамъ до сего дня. Да это и немудрено,—вѣдь Верховской дѣлаетъ это по приказанію управляющаго министерствомъ и *самого Великаго Князя, брата царя...* О происхожденіи этихъ сборовъ среди рабочихъ ходитъ слѣдующій слухъ. Говорятъ, что В. Князь, когда ему понадобились деньги для одной изъ своихъ любовницъ, взялъ взаймы у Чихачева сумму очень крупную—нѣсколько сотъ тысячъ, а тотъ и возмѣщаетъ этотъ своеобразный заемъ упомянутыми выше сборами. Говорятъ, что Чихачевъ держится именно тѣмъ, что время отъ времени даетъ взятки Великому Князю. Вознаграждаетъ же себя, конечно, за счетъ рабочихъ. Эти сборы носятъ совершенно офиціальный характеръ. Въ конторѣ заготовлены для расчета даже особые бланки, на которыхъ прямо указывается, что изъ слѣдуемой суммы удерживается нѣкоторая часть. Образецъ такого бланка мы помѣщаемъ на стр. 42.

Вслѣдствіе неокончен условов за № съ эскадрени броненосц прошу разрѣшенія Вашего Превосходительства расчитать за дней по коп на сумму съ удержаніемъ до окончанія услов согласно приказа отъ 28 Ноября 1890 г. № 489.

Старшій Судостроитель

189

Удержать до окончанія услов
Командиръ С.-Петербургскаго Порта
Вице-Адмиралъ

« » 189

Пробовали рабочіе дѣлать забастовки, да и изъ этого толку выходило мало, потому что дѣлали это не дружно и не единодушно. Былъ недавно такой случай. Рабочихъ заставляли работать в праздники с 7 часовъ утра до 2 часовъ пополудни и платили имъ за 7 часовъ, а если рабочій не приходилъ, ставили штрафъ за цѣлый день. Несмотря на просьбы рабочихъ, которые много разъ обращались къ начальству, чтобы имъ платили за праздники, какъ за цѣлый день,—начальство дѣйствовало по-прежнему. Тогда болѣе смѣлые и дружные рабочіе рѣшили совсѣмъ не выходить въ праздникъ на работу. Въ одинъ изъ праздниковъ рабочіе собрались около входа въ портъ и никого не пропускали, такъ что желавшихъ итти на работу силою заставляли возвращаться обратно. Понятно, при существующихъ у насъ порядкахъ, сейчасъ же дали знать полиціи, что рабочіе бунтуютъ, и вотъ на другой день начались аресты и допросы. Такихъ допрошенныхъ въ сыскномъ отдѣленіи было 75 человѣкъ.

Этимъ все дѣло и ограничилось.

Другой случай произошелъ недавно съ учениками.

По существующимъ у насъ въ Порту правиламъ плата выдается рабочимъ два раза въ мѣсяцъ, въ ближайшую около 1-го и 15-го пятницу и субботу. Такъ какъ рабочимъ приходится дожидать своихъ трудовыхъ денегъ часа по три, по четыре на холоду, то однажды по этому поводу произошло волненіе, причемъ больше всѣхъ шумѣли ученики. Тогда Верховскій, по милости котораго и происходятъ, какъ я уже упоминалъ, всѣ

эти утѣсненія, распорядился, чтобы ученикамъ выдавать плату въ слѣдующіе рабочіе дни послѣ субботы, т.-е. въ понедѣльникъ или во вторникъ; однако ни въ понедѣльникъ, ни во вторникъ ихъ отъ работы не увольняли: тогда болѣе смѣлые ученики рѣшили не выходить на работу, а итти за полученіемъ своихъ денегъ; но и здѣсь тоже нашлись трусы, которые боялись не итти на работу, и хотя смѣльчаки проучали ихъ за это по-своему, но сами получили штрафы въ размѣрѣ двухъ дней каждый.

Да и много такихъ случаевъ происходитъ; такъ что рабочимъ становится невмоготу выносить этотъ гнетъ отъ различныхъ притѣснителей. Но, конечно, лучшихъ порядковъ намъ нечего и ждать, пока всѣ рабочіе не соединятся для дружной борьбы съ своими притѣснителями.

Балтійскій желѣзо-судостроительный заводъ.

Правительство все больше и больше старается стѣснить рабочихъ. Ихъ положеніе, можно сказать, ухудшается не по днямъ, а по часамъ. Каждымъ удобнымъ случаемъ пользуются враги народа, чтобы начать новыя притѣсненія, новыя несправедливости. Однимъ изъ такихъ удобныхъ случаевъ является перемѣна управляющаго. Управляющіе служатъ, конечно, надежнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, которое тѣмъ болѣе ихъ награждаетъ, чѣмъ болѣе они жмутъ трудящійся народъ. И дѣйствительно, съ каждымъ новымъ управляющимъ начинаются новыя притѣсненія. Нельзя сказать, чтобъ ужъ особенно сладко жилось рабочимъ Балтійскаго желѣзо-судостроительнаго завода при прежнемъ управляющемъ Кази,—при теперешнемъ же Ратниковѣ—и совсѣмъ скоро житья не будетъ.

Вотъ какіе порядки были при Кази, который былъ правителемъ завода болѣе 15 лѣтъ—до 1-го іюля 1893-го года;

1) Мастеровые зарабатывали сравнительно хорошо: имѣли экстренные часы и штучную работу, на которой могли зарабатывать въ два раза болѣе своего жалованія.

2) Мастеровые, оказавшіеся неспособными къ труду, если они прослужили нѣсколько лѣтъ, получали пенсію.

3) Жены ихъ получали половинную плату во время болѣзни ихъ мужей для содержанія семейства.

4) Мастеровые, прогулявшіе день-два, не штрафовались; за большіе прогулы были штрафы, но очень умѣренные.

Но вотъ, уходитъ Кази въ 93 г., и разомъ все измѣняется. Правительство, конечно, не упускаетъ этого удобнаго случая, чтобы начать новыя притѣсненія, новое обираніе рабочаго люда. Назначается новый правитель — капитанъ 1-го ранга Ратниковъ, и вотъ какіе порядки онъ заводитъ:

1) Экстренная работа прекращена, задѣльная плата оцѣнена очень низко. Если рабочій въ теченіе дня не выработаетъ на назначенную сумму,—то у него высчитывается изъ жалованія, а если выработаетъ болѣе,—чѣмъ 60 коп.,—то это остается въ пользу конторы.

2) Пенсія отмѣнена. Такъ одинъ рабочій—Корсаковъ, прослуживъ на заводѣ болѣе 16 лѣтъ, былъ уволенъ со службы по случаю потери зрѣнія съ половинной платой деннаго заработка. Это было при Кази. Ратниковъ отнялъ у него пенсію и оставилъ его съ многочисленнымъ семействомъ малолѣтнихъ дѣтей на произволъ судьбы.

3) Жены заболѣвшихъ мастеровыхъ лишены половинной платы, которую получали при Кази.